

Испекли мы каравай

Автор:

Наталья Нестерова

Испекли мы каравай

Наталья Нестерова

Разговор по душам

Что в жизни может быть чудеснее нежных заботливых женских рук? Не трудиться – придумать невозможно! Обычно о мастерах говорят: «У мужика золотые руки!» А то, что и у женщин руки могут не только укачивать ребенка, ласкать любимого, утешать страдающего, забывают. Героини этой книги все как одна кудесницы – их руки, на первый взгляд, творят обычные вещи: рисуют, ткут, пекут, мастерят, а на самом деле совершают восхитительное таинство, доступное тем, кто знает наслаждение творчеством. Мастеровому человеку нелегко добиться признания, а если этот человек женщина, то ему нелегко вдвойне. Счастье, если рядом оказывается спутник, чья любовь спаяна с восхищением талантом избранницы. Какие они, девочки-кудесницы, в детстве? Тихие незаметные скромницы или шумные, эффектные воображалы? Они разные...

В сборник вошли два романа «Испекли мы каравай» и «Средство от облысения».

Наталья Нестерова

(Наталья Владимировна Умеренкова)

Испекли мы каравай

Сборник

* * *

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

© Н. Нестерова, 2019 Все права защищены

© ООО «Издательство АСТ», 2019

Испекли мы каравай

Роман

В детстве Арина мало играла с куклами. Подаренные красавицы с пышными волосами, в нарядных платьях, пищавшие «мама» при качании, сидели в ряд на полке, пылились и с немым укором смотрели на Арину стеклянными глазками. У некоторых кукол со временем тяжелые мохнатые ресницы опустились на щеки и казалось, что куклы заснули, устав ждать. Стихией Арины были песочные куличики, а лучшими подарками для нее – формочки, ведерки, совочки. Мама оставляла трехлетнюю Арину в песочнице и отправлялась в магазин – дочь никуда не денется, будет «печь куличики» хоть целый час.

Когда Арина выросла из песочницы, на смену хрупким куличикам пришло тесто. Из него, как из пластилина, можно было лепить, но пластилин был мертвым бездушным материалом и вечным, а тесто – нежным, капризным и недолговременным, как все живое. Арину завораживало превращение смеси воды и муки в растущую массу. Тесто было живым – оно росло, дышало, увеличивалось в объеме, и этот процесс казался Арине сказочным. Арина чувствовала себя волшебницей, которой подвластно колдовство с предметами. Как фее из «Золушки», которая из тыквы сделала карету.

Однако главной феей, не сказочной, а реальной была Арина прабабушка Галя. Она жила в тридцати километрах от города, в деревне, раскинувшейся на высоком берегу великой русской реки. Когда-то деревня была большой и богатой, с церковью в дореволюционную эпоху. Церковь давно разрушили, вымостив битым кирпичом дорогу к райцентру. Но и в советские времена деревня процветала, это была главная усадьба колхоза-миллионера: с клубом и школой, с фермой и маслобойней, с конезаводом и большими мастерскими по ремонту сельхозтехники. А с середины восьмидесятых деревня стала умирать, медленно и безысходно. Зарастали необрабатываемые поля и огороды, ржавела техника, опустели конезавод и ферма, закрылся клуб, дорожный асфальт усеивался воронками, как после бомбежки. Пустые коробки строений с выбитыми стеклами и провалившимися крышами пугали маленькую Арину, она думала, что там живут призраки, по ночам бродят мертвецы и дудят в страшные трубы.

- То не мертвецы, прости господи, - успокаивала правнучку бабуля Галя, - то ветер гуляет. Живыми в землю закопать бы тех, кто до такого разора хозяйство довел, - тихо добавляла она.

- Живыми? В землю? - таращила глаза Арина.

- Не слушай ты меня, старуху. Поди лучше посмотри, не подошла ли опара.

Бабуля Галя не признавала покупного магазинного хлеба, говорила, что им только свиней кормить и тюремных душегубов. Хлеб бабуля всегда пекла сама. Отдохнувший под льняным полотенцем, каким же вкусным он был! Хрустящая корочка, сладко теплая сердцевинка, да с молочком! Пальчики оближешь. Бабушка пекла и расстегаи с рыбой, и пироги с разнообразными начинками, и плюшки, и калачи - чего только не пекла, сколько рецептов помнила. Бабуля Галя была признанным мастером-хлебопеком в деревне. Другие женщины приходили к ней учиться, секретов бабушка не держала. Только все равно ни у кого не получалось таких вкусных хлебов, как у бабушки Гали. Сколько ни пытались односельчанки напихать в тесто побольше сливок, яиц и масла, не выходило, чтобы надкусишь булочку, жуешь-наслаждаешься и видишь, как со вздохом расправляется приплюснутое зубами место, булочка снова пышная и сдобная.

Арина застала край уходящей эпохи, когда в деревне еще играли свадьбы. Уехавшая в город молодежь по требованию родителей на родине отмечала

бракосочетание. Бабушке Гале заказывали свадебный каравай – самое прекрасное, по мнению Арины, произведение пекарского искусства.

Считалось, что каравай не могут печь свекровь или теща, а только деревенская женщина с добрыми руками и хорошей судьбой. Руки бабушки Гали, вне всяких сомнений, добрые и талантливые. Но судьба ее не баловала, напротив. Отца, братьев и мужа потеряла на войне, с двадцати семи лет вдовствовала. Старший сын погиб в автомобильной катастрофе, дочь, Аринина бабушка, умерла молодой от рака, сорока не исполнилось.

Спустя много лет Арина спрашивала маму:

– Почему бабушке Гале в деревне приписывали счастливую жизнь? Она всю войну получала похоронки, да и потом могилка за могилкой. У нее ведь остались только ты да я.

– Бабушка честная была, – отвечала мама. – Не гулящая, не сварливая, не злобливая.

– Ну и что?

– Не понимаешь? Одного человека комарик укусит и крику на весь свет, и все виноваты, и все плохие – огрызается, точно бешенством его заразили. А бабушку жизнь била – не комарики кусались. Однако никого она не проклинала, не жаловалась, не озлобилась. Как ее судьба ни испытывала, бабуля не потеряла доброты душевной и щедрости. А это, наверное, дороже всего.

– Я ведь похожа на бабулю Галю? – спросила Арина.

– Похожа, – рассмеялась мама. – Обе не девушки, а хлебопечки.

За долгую жизнь бабушка испекла тонны хлеба. Но каждый раз, отправляя тесто в печь, она волновалась и переживала. Так подлинный народный артист в триста тридцать третьем спектакле, выходя на сцену, испытывает душевный трепет.

Когда пеклись свадебные караваи, волнение было особым. Бабушка с утра мылась и мыла Арину. Они надевали чистое белье и повязывали головы платочками. Бабушка читала молитвы, Арина приплясывала на месте от нетерпения – опара подошла, пора замешивать тесто. Бабушка следила, чтобы, упаси боже, ни сквознячка в хате, ни грюка, ни стука, говорить можно только шепотом. Подошедшее тесто крайне нежно. Испугается ветерка или громкого звука – опадут внутри крохотные пузырьки, которые воздушность хлебу обеспечивают. Тесто слипнется, и вместо пышного каравая получишь клеклую подошву.

Каравай был обязательно круглой формы, по основанию его украшали большая коса или жгут, сверху – колосья, листья, цветы и даже тонкошеие лебеди. Когда бабушка позволяла Арине вырезать из теста листочек или колосок, радости внучки не было предела. Перед отправкой каравая в печь бабушка брала связку гусиных перышек и смазывала его маслом и взбитыми яйцами.

Пока каравай пекся, бабушка рассказывала, как строго в старину относились к выпечке каравая. Хотя Арина слышала этот рассказ несколько раз, он ей не наскучивал. Во время выпечки нельзя ругаться, спорить или говорить о плохом – о несчастьях или болезнях. Чтобы не припеклось поганое к молодоженам. Муку брали только пшеничную, самого лучшего сорта – для достатка молодым. По чуточке добавляли: ржаной муки – считалось, что она поможет молодым не зазнаваться друг перед другом и не ссориться; рисовой муки – для крепости отношений, сахар – для радости жизни; перца или сушеной редьки – для страсти. Про какую такую страсть бабушка говорит, Арина не понимала и допытывалась. Но бабушка только отмахивалась и говорила, что даже соль, которую в солонке поставят на каравай, готовили особо. Выбирали соляные камешки покрупнее и быстро промывали их в миске, чтобы не успели раствориться. Потом выкладывали кристаллы соли на чистый лист и сушили, в завершении толкли в ступке. Словом, каравай готовился по суеверным правилам, исключавшим любое постороннее, дурное вмешательство. Каравай до последнего момента никто не должен трогать и даже смотреть на него – чтоб не сглазили.

Волнительный момент – бабушка достает из печи свадебный каравай, руки у бабушки слегка дрожат. Облегченный вздох – удался! Готовый каравай был нежно золотистого цвета, румяный и блестящий.

На свадьбе, которую вместе с деревенской детворой Арина наблюдала из-за забора, каравай становился частью обряда. Родители встречали молодых с караваем, положенным на вышитый рушник. Жених и невеста отламывали по кусочку – чей кусочек больше, тот и глава семьи. Потом караваем обносили стол, и какой-нибудь ребенок, почему-то обязательно ребенок, наделял кусочками гостей. Считалось хорошей приметой, если хватит всем. Арина смотрела, как ломается, уменьшается, исчезает их красавец. Было обидно, но ведь каждый праздник когда-нибудь кончается.

Зимой, дома, Арина постоянно что-нибудь пекла. Родители перестали бояться, что она спалит квартиру, экспериментируя с газовой духовкой. Бабушка Галя говорила, что у каждой печи свой характер, который ломать нельзя, а нужно только подстраиваться. Газовая духовка, конечно, не русская печь, но тоже с норовом. Арина перепортила много продуктов, пока не добилась нужного качества выпечки. К двенадцати годам она прекрасно разбиралась в качестве муки, могла с ходу определить свежесть дрожжей. Подружки увлекались то музыкой, то танцами, то строем шли записываться в секцию фигурного катания, то дружно мчались на курсы по составлению сухих букетов. У Арины тоже менялись интересы – то дрожжевое тесто, то песочное, то слоеное, то пресное. Папа с удовольствием уплетал Аринины пироги и печенье, носил на работу в железнодорожное депо расстегаи с вязигой и палтусом. Хвастался – дочка напекла.

Мама требовала единственное:

– Чтобы на кухне было чисто после твоих готовок.

– А то будем звать не Ариной, а Акулиной, – веселился папа.

Это по поговорке о неряшливой женщине: «Видно, что Акулина пироги пекла – все ворота в тесте».

Когда дочь ходила в шестой класс, на ее увлечение родители наложили ограничение. В школе появилась новая учительница, ставшая классной руководительницей Арины. Педагог обратила внимание на руки девочки. Из-за манипуляций с духовкой у Арины случались маленькие ожоги на пальцах,

запястьях, предплечьях. Эти ожоги, старые и свежие, навели педагога на кошмарные выводы. Она пригласила родителей в школу – в кабинет директора, где кроме него и классной руководительницы присутствовала еще и завуч.

Мама и папа Арины – простые люди, слесарь и табельщица в депо, испытывали естественный, с детства въевшийся страх перед школьным начальством. Увидев директора и завуча, которые еще в их бытность школьниками никому не давали спуска, Ариныны родители окончательно оробели. Но если мама в крайнем волнении не могла слова вымолвить, то папа, напротив, становился ершистым, говорил лишнее – петушился.

– Объясните нам природу многочисленных ран на руках вашей дочери! – потребовала классная руководительница.

Мама услышала: «объясните природу», и почувствовала себя двоечницей, не подготовившей урок по географии, закаменела. Папа бросился в бой.

– Какие раны? – хрипло спросил он. – Кто нашу дочку бил?

– Это я у вас спрашиваю! – повысила голос педагог. – У Арины на руках следы систематических пыток! Живого места нет. Жестокое обращение с ребенком – это уголовно наказуемое преступление. Мы привлечем органы опеки и прокуратуру. Мы не позволим вам издеваться над ребенком!

– Вы что? – опешил папа. – Белены объелись?

– Как вы смеете разговаривать с педагогами в подобном тоне? Сразу видно, что за обстановка у вас в семье.

– Наша обстановка не ваше дело, прекрасная у нас обстановка.

– Это она печет, – тихо сказала мама.

– Вот именно! – подхватил папа. – Надо же! Записать нас в фашисты!

– погоди, Володя, – заговорил директор, – не кипятись. Давай разберемся.

– Давайте! – Папа Арины покрылся красными пятнами, на шее у него выступили жилы.

– Каким был, таким и остался, – заметила завуч. – Кулаки раньше мысли. И Катя не изменилась. Тихая мышка.

Завуч смотрела на Ариных родителей с тихой грустью и безо всякого осуждения. В отличие от классной руководительницы завуч не верила, что Володя и Катя могут быть родителями-изуверами. С другой стороны, настороженность молодого педагога надо только приветствовать.

– Есть у Арины раны? – спросил директор.

Володя повернулся к жене с немим вопросом.

Она мелко закивала, глотая слезы.

– Печет и обжигается, – едва слышно проговорила Катя.

– Печет у нас дочка, понимаете?! – громко повторил Володя.

– Что печет? – не понял директор.

– Все печет, каждый день. Булки, пироги, торты. Увлечение такое у Аришки. Хобби!

– Странное хобби, – подозрительно процедила классная руководительница.

– Какое есть! – огрызнулся Аринин папа.

– Плохо, что есть хобби, – не сдавалась учительница, – после которого ребенок изранен. У вас дочь за кухарку?

Мама Арины не выдержала и расплакалась, тем самым как бы подтверждая справедливость подозрений. Папа Арины теперь разозлился на жену:

– Перестань хлюпать!

Им понадобился еще почти час времени, чтобы расставить точки над «і», развеять сомнения.

В итоге завуч сказала, что любое увлечение положительно влияет на профориентацию ребенка. А директор добавил, что профориентация не должна наносить вред здоровью ребенка. Классная руководительница предупредила, что будет внимательно наблюдать за состоянием кожных покровов Арины.

«Следи, кто тебя саму покрывает», – хотел вмазать Володя, но сдержался.

Педагогическая беседа изрядно вымотала его нервы. По дороге домой на последних парах он еще обзывал учительницу дурой, но, переступив порог квартиры, обессилил. Мама Арины, напротив, точно зарядилась энергией. Робкая при начальстве, в отношениях с дочерью она поблажек не допускала.

Мама разошлась – кричала, что Арина их опозорила, что все девочки как девочки, а их дочь на пирогах и булках повернулась. От мучного толстеют, они с отцом уже поперек себя шире. И чтобы Арина больше к духовке не подходила, и грамма муки в доме не будет, и пусть Арина только попробует замесить какое-нибудь тесто. Приготовленные дочерью аппетитные пончики в сахарной глазури отправились прямым ходом в мусорное ведро.

Неожиданный и непонятный вызов папы и мамы в школу («Обязательно оба родителя», – подчеркнула учительница) Арина переживала не меньше их самих. Постаралась, чтобы пончики удались. Пончики удались на славу и... были выброшены на помойку. Арина от обиды разревелась во всю глотку, ведь ничего плохого не делала, и наказание было несправедливым. Папа, мечтавший о бутылке холодного пива и тихом журчании телевизора, схватился за голову. Обычно у них тишь да гладь: дочь кашеварит, жена вяжет на спицах, сам он комментирует новости или сериалы по телеку. А тут одна кричит, другая рыдает – сумасшедший дом. Воспоминание о поруганных пончиках также тревожило. Враки, что к пиву только соленое. Испробовано – под сладкую сдобу пиво отлично идет.

– Заткнитесь! – скомандовал Володя. – Обе замолкли. Так! Ариша, упражнения с духовкой отменяются, потому что ты в ранах и на нас пальцами показывают. Мы

тебе купим пианино, будешь музыке учиться.

- Не хочу музыке! Сошью большие рукавицы до локтя и обжигаться не буду.

- Ты не будешь торчать у плиты, как каторжная! - стукнула по столу мама. - У тебя должно быть детство, интересы разные, как директор сказал.

Володя с удивлением посмотрел на жену. Директор ничего не говорил про детство с разными интересами, но, по сути, мысль была верной.

- В деревню убегу! - пригрозила Арина. - Буду жить в бабушкином доме.

- Бабушка уже три года на том свете, - напомнила мама.

- Пусть! Вы такие бесчувственные, что мне лучше на том свете с бабушкой! - икая после рыданий выпалила Арина.

Мама испуганно заткнулась. Папа почувствовал второе дыхание: обстановка требует руководства.

- Слушайте меня! - велел он. - Аришке разрешается подходить к духовке только перед праздниками и нашими днями рождения.

Вспомнил, что через несколько дней его именины, обещал приятелям принести на работу чудо-пирожки. Дочка пекла их - объедение, крохотные, на один укус: квадратные - с зеленым луком и яйцом, овальные - с мясом, кругленькие - с капустой, конвертиком - с рыбным паштетом, сердечком - с яблоками или с вареньем.

- И чтобы без рукавиц в духовку не совалась! - грозно продолжил папа. - Проверю. Один ожог, и будет, как мама сказала, - прощай духовка. Приговор понятен?

- Да, папа.

- Приговор обжалованию не подлежит. Ты домашнее задание сделала?

- Почти, - замялась Арина.

- Марш, готовиться к школе!

Когда дочь вышла из кухни, мама и папа переглянулись.

- Пончики не сильно выпачкались, - прошептала Катя, заглянув в мусорное ведро.

- Доставай. Пиво будешь?

Запрет на практические занятия привел к тому, что Арина увлеклась сбором рецептов. У всех девочек были альбомы, куда записывались стихи, преимущественно - любовные, поэтом-фаворитом считался Эдуард Асадов. Странички украшались приклеенными фотографиями, личными и портретами известных актеров из журналов, нарисованными цветочками и орнаментами по периметру.

В альбоме Арины тоже были цветочки и прочие украшательства, но вместо стихов и мудрых мыслей - пекарские прописи. Арина по памяти восстановила бабушкины рецепты, переписывала из журналов понравившиеся варианты, даже ходила в читальный зал библиотеки и штудировала книги по кулинарии.

В школе Арина училась на твердую «тройку», звезд с неба не хватала. Ее считали недалекой, но смирной, доброй и покладистой девочкой. Популярностью у мальчишек она не пользовалась, хотя внешне была симпатичнее многих школьных прим. Но те вели себя раскованно, если не сказать развязно. Шутили смело, курили демонстративно, за компанию выпивали - словом, были компанейскими девчатами, с которыми интересно проводить время. Арина прекрасно понимала, что с ней не интересно. О чем говорить? О творожном тесте на кефире? Какому парню это понравится? Только Юрке Озерову. Хотя с ним за десять лет школы Арина парой слов не перекинулась.

Юрка - двоечник, хулиган, оторва, был проклятием Арины. В младших классах он изводил Арину тычками и щипками, стрелял в нее из рогатки, брызгал чернилами на новое платье. Повзрослев, Озеров перешел к атакам посерьезнее:

пытался лапач, загнать в кусты или на чердак. Правда, он несколько раз пускался в нечто подобное объяснению в любви. Мол, ты должна стать моей девушкой, никто тебя пальцем не тронет, а меня должна слушаться и все позволять. Решительный отпор Арины только раззадоривал Озерова, который к последнему классу превратился в приклатненного наглеца. Однако сразу после выпускного вечера Юрку забрали в армию, и Арина вздохнула свободно.

Родители хотели, чтобы дочь получила высшее образование. Они усвоили два термина: «бюджетное» и «коммерческое». Бюджетное образование предполагало бесплатное обучение, но для этого требовалось отлично сдать вступительные экзамены, на что Арине рассчитывать не приходилось. Ее пугала перспектива учебы в вузе. В школе была скука смертная, а в институте наверняка того хуже. В школе Арина пялилась на доску, на которой решались алгебраические уравнения или писались мудреные химические формулы – ничего не понимала и чувствовала себя лишней на этом празднике научной мысли. В институте формулы будут еще сложнее, и она снова окажется дура душой среди умных зазнаек.

– Коммерческое мы осилим, – говорил папа. – За гроши двоек не ставят. Все учатся, а наша дочка без высшего образования?

Маме тоже хотелось, чтобы дочка была с дипломом.

Отец предложил:

– Выбирай любой институт, где есть коммерческое отделение. Хоть в юристы иди, хоть в программисты.

Арина была в отчаянии. Выпускные экзамены сдала как в тумане. Отчаяние всегда заканчивается – удачей или новым меньшим отчаянием, но заканчивается. Арине выпала удача.

На автобусной остановке Арина увидела объявление – Московский институт пищевой промышленности производит набор абитуриентов на заочное отделение. Экзамены – в конце августа, в филиале института, находящегося в их городе. Есть коммерческое отделение. Но самое потрясающее! В перечне кафедр института значилось: кафедра технологий хлебопечения. Арина

смотрела на это объявление как на послание личного ангела-хранителя и чуть не плакала от благодарности.

Папе было безразлично, в какой вуз дочка поступит, главное – корочка о высшем образовании. Московский институт – даже почетнее. Только на заочное можно поступать? Пусть заочное, хотя и дневное потянули бы, потуже затянув пояса. Но коль заочное, надо работать. Где ты хочешь, доченька, работать? На хлебозаводе? Там же каторжный труд, хуже шахтерского забоя!

Все равно! Арина понимала, что теперь, в главном уступив, может диктовать условия. Мама и папа напрягли связи. У слесаря и табельщицы тоже есть знакомства. Не в высших эшелонах, конечно, но на своем уровне. Без связей в наше, да и любое время не захватить места под солнцем, даже под его, солнца, слабыми лучами.

Арину устроили в кондитерский цех при хлебозаводе. Там делали торты, пирожные, ром-бабы, кексы, куличи к Пасхе и на заказ выполняли многоярусные свадебные торты или юбилейные – с шоколадными числами «50» или «60» в центре.

Несмотря на устройство по блату, Арина получила работу крайне тяжелую физически и совершенно тупую в творческом смысле. Неподъемные мешки с мукой, тяжелые противни, жар печей, мучная пыль. В цехе работали женщины давно огрубевшие, битые жизнью, хотя и не злые, но сварливые, с мелочными претензиями к непосредственному начальству и с глобальными – к правительству, депутатам и прочим олигархам. Здесь не было важной составляющей: желанья, чтобы плоды твоих трудов порадовали людей. Бабушка Галя каждую плюшку, ватрушку, коврижку мысленно заговаривала: удайся, понравься, будь вкусненькой. Нечто невидимое, неосязаемое – посыл души – Арине казался обязательным.

А в цехе говорили только о выработке, о плане, премиях и штрафах. С равным успехом здесь могли бы не торты печь, а древесный уголь обжигать. Хотя главный технолог была специалистом высокого класса, художником, таким кондитерским скульптором. Когда она украшала свадебные и юбилейные торты, все собирались смотреть на мастерское владение кондитерским шприцем – на замысловатые виньетки, букеты розочек и гроздья винограда из сливочного крема, на фигурки зверюшек (детские персональные торты) из мягкого и мгновенно застывающего шоколада.

Это были редкие моменты, когда забывали о рутине, потоке, конвейере. Моменты короткие, через полчаса вспыхивала очередная свара: Таня разбавила коньяк, Маша тоже разбавила, обе хотели стырить. В результате пропитка для ром-бабы представляла собой слабенький сиропчик. «Сожрут, не заметят!» – как правило, звучало в финале примирения. Вот это «сожрут» Арину коробило более всего. Зачем работать, если испытываешь отвращение к результатам своего труда? По наивности Арина задавала подобные вопросы. В ответ слышала: «Молодая еще, с наше тут помудохайся».

Производство многих кондитерских изделий вызывало у Арины отвращение. Длинный нечистый стол с поверхностью из нержавеющей стали.

Кондитеры стоят в ряд: перед одной женщиной готовые испеченные круглые бисквитные коржи, женщина зачерпывает из ведра рукой крем, обмазывает корж, сверху ляпает другой корж и опять мажет кремом, быстро проводит рукой с кремом по периметру круглой стенки будущего торта, передвигает следующей работнице. Та, опять-таки рукой, зачерпывает из миски гранулы посыпки и превращает высокий периметр во вполне аппетитный бортик торта «Мечта». Последняя женщина самая ловкая и опытная, быстро украшает кондитерским шприцем поверхность торта. Три минуты – и получите свою «Мечту».

Сегодня опять не вывезли продукцию? Не наши проблемы! Пусть переклеят ценники с датой изготовления и датой годности, не впервой. Но нам выработку засчитайте, не обязаны за чужую халтуру отвечать и на штрафы влетать!

Работники кондитерского цеха были совершенно справедливы в том, что их труд надо оценивать по количеству произведенной продукции, а не по той, что дошла до потребителя. С этим Арина не могла бы спорить. Но качество! И жуткая антисанитария! Руками крем бухают на коржи! В туалет сходят – и за крем берутся. А руки помыть не подумают. Почему никто из потребителей не отравился за время работы Арины в кондитерском цехе хлебозавода? Загадка, но факт. Наверное, у россиян очень крепкие организмы, закаленные бациллами от других производителей пищевой промышленности.

Перед визитами и инспекциями: санэпидемстанции, пожарных, руководства завода и прочих проверяющих – наводилась подлинная чистота. Не уборщица тетя Маня старыми тряпками возила по столам и по полу, а все работницы драили цех – с потолка до пола. Надевали чистую униформу, доставали

кондитерские лопаточки и уже не быстро пальцами крем по коржам тортов размазывали, а лопаточками – замедленно, для прессы.

Первый такой субботник Арины случился во время посещения их цеха вице-губернатором, фланировавшим в белом халате. И группу телевизионщиков, освещавших «поход в народ», тоже обрядили в чистые халаты. Хотя обычно грузчики в замасленных телогрейках с улицы через весь цех волокли мешки с мукой в кладовую, очень неудачно расположенную.

Журналист, очевидно, выбрав по моложавой фактуре Арину, подсунул ей микрофон:

– Как вы считаете, что нужно сделать для лучшей работы вашего цеха?

– Приходить вам сюда каждый день! – выпалила Арина.

Повисла пауза.

Арина сморозила глупость. Это читалось по всем лицам: театрально наряженных сослуживиц с лопаточками в руках, поджавших губы директора хлебозавода и его заместителей, скривившихся журналистов, которым был нужен не честный, а удобный ответ. Только вице-губернатор сохранял тренированное благодушие.

Он подошел к Арине, больно захватил ее за щеку указательным и большим пальцем, помотал из стороны в сторону:

– Не шали, красотка!

Продолжая улыбаться, тяжело вздохнул, развел руки в сторону, пожал плечами. Мол, девушка хотела привлечь его внимание, знаем мы таких. Это была игра на публику и для эфира не годилась.

– Вырезать потом, – бросил телевизионщикам вице-губернатор.

Кавалькада во главе с ним вышла из цеха. Сослуживицы на разные голоса принялись осуждать Арину: если она хочет тут работать, пусть не выпендривается.

То, что работать на хлебозаводе ей не нравится, Арина поняла быстро. Но ради самой главной встречи, случившейся в кондитерском цехе, Арина согласилась бы торчать тут до скончания века. Главная в ее жизни встреча – знакомство с Филиппом.

Арина волокла тяжелый мешок с мукой, когда неожиданно мешок захватили мужские руки:

– Дай, я отнесу.

Арина разогнула ноющую спину. Парень, симпатичный, легко вскинул мешок и понес в цех.

– Коней на скаку тебе не хватает? – спросил он.

– Каких коней? – удивилась Арина.

– Что перед горящими избами. Национальная забава русских женщин, вроде биатлона. Первый этап – кони на скаку, второй – горящие избы. Есть и другие силовые виды спорта – тетки в оранжевых жилетах с ломami на железнодорожных путях, зимой и летом.

Парень говорил с непонятным раздражением, точно Арина в чем-то провинилась.

Потом Арина узнала, что Филипп после армии устроился на хлебозавод слесарем по наладке оборудования. Точнее, его приняли на ставку слесаря, чтобы зарплата была выше, а трудился он на подхвате у старых мастеров, учился. Филиппу тоже не нравилась его работа. Но не потому, что было скучно, неинтересно или трудно.

От вида женщин, которые подвергаются тяжелым физическим нагрузкам, Филиппа корбило. В кондитерском цехе еще сносно, в хлебопечном – каторга. Бабы что ломовые лошади, хотя войны давно нет. При этом сам Филипп и его мастер-наставник разгуливают с легким ящичком для инструментов. Специалисты! Подобная расстановка сил казалась Филиппу подлой, точно спрятался он за спины женщин, ловко устроился. Возможно, со временем

Филипп приспособился бы, перестал терзаться тем, что прохлаждается на легкой работенке, когда бабы горбатятся. Однако Филипп не хотел приспособливаться и подумывал о другой работе. Его останавливала только надежда мастера вырастить себе достойного помощника и заместителя. Мастер был отличным мужиком и одновременно каким-то троюродным дядей Филиппа.

А потом Филипп прочно увяз на хлебозаводе, потому что здесь работала Арина.

- Куда сыпать? - спросил Филипп.

- В мукопросеиватель, - ткнула пальцем Арина.

- Да у нас тут добровольные грузчики появились, - хохотнула одна из женщин.

- То женихи на Аришку слетаются, - подхватила другая.

И третья нашла, что сказать, и четвертая не задержалась с крепким словечком. На хлебозаводе женщины брехливы, как цепные собаки, и ядовиты, как змеи. Филипп к этому уже привык: не краснел, не огрызался и не обижался. Теткам ведь требовалась разрядка, пусть словесная, пусть с матерком. Подражая мастеру, Филипп иногда вступал в перепалку, подыгрывал, веселил женщин.

Но умел и не замечать колючих подначек. В тот раз, когда впервые Арину увидел, демонстративно не замечал и не слышал.

- У тебя когда смена заканчивается? - спросил он.

Арина фыркнула: мол, сразу на «ты» и по-деловому свидание назначает, скоростник. Не на ту напал.

- В два у нее смена заканчивается, - ответил кто-то.

- Буду ждать тебя за проходной, - сказал Филипп.

- Вот еще! - мотнула головой Арина.

– Придет, придет, – заверили женщины.

Во время обеденного перерыва они всегда говорили о болезнях. Заводские новости и телесериалы успевали обсудить до обеда. Про различные хвори и способы лечения говорили в сорокаминутный отдых: обстоятельно, со вкусом – любимая тема. Конечно, у всех женщин были проблемы с позвоночником, болели суставы, отекали ноги, варикозно корячились вены. Плюс запоры и поносы у внуков, нутряные болезни у дочерей, невесток, соседок. Лекарствам, которые выписывали врачи, противостояли народные средства и заговоры целителей. Арина вставляла в ухо наушник плеера и включала тихую музыку – слушать про болезни, лекарства и чудодейственные заговоры надоело.

Но в тот день, после выступления Филиппа с мешком муки и назначения свидания, во время обеденного перерыва женщины почему-то не обсуждали слабительные средства и методы очищения организма от шлаков. Они впали в романтически-историческое настроение. Вспоминали, как познакомилась с мужьями, не упоминая про постылые будни с вечно пьяным супругом. Не клеймили мужиков, а рассказывали про первые свидания, про свадьбы, рождение первенцев. Лица женщин разгладились, как будто морщинки испугались светлых воспоминаний и спрятались.

Арина ждала, что к концу обеда товарки все-таки скатятся к негативу. Потому что они давно разучились радоваться продолжительно, только вспышками. Если случалось что-то хорошее, обязательно заходила речь о плохом, которое непременно последует. Дали премию – отлично, но в следующем месяце, как пить дать, зажмут. Родился внук – большое счастье, но молодым негде жить. Купили машину, но подержанную. Отметили выход на пенсию, но пенсии хватает только на квартплату. Но этот разговор неожиданно закончился не мрачными прогнозами и пессимистическими сетованиями, а советами Арине не проморгать Филю. Сразу видно – парень надежный и крепкий, малопьющий и совестливый. Арина только фыркнула в ответ на прямолинейное и неуклюжее сводничество.

Хотя Филипп ей очень понравился, Арина не собиралась демонстрировать свою симпатию. Она постарается быть загадочной.

Арине не раз говорили, что у нее красивое, простое, открытое лицо. «Простая, открытая» – это про собачью морду, считала Арина. Друг человека с восторгом выполняет команды: «Ко мне! Лежать! Дай лапу!» – получает за это косточку и прыгает от радости. А женщина должна быть загадочной, вроде спрятанного

клада, который мужчина стремится отыскать и насладиться в трудах обретенными сокровищами. Подобные мысли Арине внушили статьи в глянцевых журналах и романы зарубежных беллетристок, чьи книги выпускались в ярких обложках со знойными красотками и красавцами в момент объятия – вскрытие клада, очевидно.

Напускная загадочность слетела с Арины после первого же вопроса Филиппа, который встретил ее за проходной.

– Айда на лодках кататься? – предложил он.

– Айда! – с ходу согласилась Арина.

Два часа дня (утренняя смена начиналась в пять утра), тепло, светит солнце, в будний день в городском парке немногочисленно, лодку можно взять без очереди, да и на пруду будет свободно. Кроме загадочности, журнальные статьи еще рекомендовали всегда и всюду сохранять кокетливую игривость. Мол, мужчины любят веселых, задорных женщин, создающих хорошее настроение, не обременяющих спутников своими заботами и проблемами. Последняя установка находилась в прямом противоречии с первой, но Арина этого противоречия не замечала. Кроме того, веселость давалась ей без труда и насилия над собой: солнечный день, приятный парень, катание на лодке вместо корпения над учебниками – вот и хорошее настроение.

Арина запрыгнула в лодку, Филипп снял кроссовки и носки, положил их в лодку, потому что ее надо было толкать на глубину, стоя по щиколотку в воде. Кроссовки у него были новые, первый день носил, дорогие.

– Классные, правда? – похвастался Филипп, сев в лодку и вставляя весла в уключины. – Всю получку потратил на них.

– Ничего кроссовочки, – одобрила Арина.

Пруд имел форму гигантского обгрызанного блина, Филипп активно работал веслами, отплыв метров сто, резко повернул, чтобы сделать большой круг вдоль берега. Арина чувствовала себя легко и свободно, как будто Филипп был давним знакомым, с которым долго не виделись и теперь обменивались новостями. Они говорили о школах, которые закончили, Филипп рассказал про армию, он служил

в Подмоскowie. Арина поймала себя на том, что рассматривает с непривычным волнением босые ступни Филиппа, его щиколотки, ритмичное перекачивание мышц на груди под футболкой. Арина повернулась боком, согнулась в талии, опустила руку в воду. «Забыла, что нужно быть игривой, – мысленно одернула она себя. – Вместо этого пялюсь на него как кошка на сметану. Что бы игривое придумать?»

Через несколько минут Арина, воспользовавшись тем, что Филипп смотрел в сторону, затолкала одну кроссовку Филиппа себе в сумку и ойкнула:

– Филипп! Извини, пожалуйста!

– В чем дело?

– Я случайно утопила одну твою кроссовку, когда мы разворачивались.

– Как утопила?

– Нечаянно.

– А почему сразу не сказала?

– Побоялась. Прости!

Филипп был явно расстроен, но при этом не злился на Арину, смотрел не гневно, а удивленно. На его месте Арина вела бы себя иначе. Утопи кто-нибудь ее новую туфлю, Арина второй отхлестала бы виновника. То есть она не хотела, конечно, чтобы Филипп бил ее по башке кроссовкой, просто ничего игривее не придумалось.

Филипп горько вздохнул, а потом неожиданно взял вторую кроссовку за шнурок, раскрутил над головой и зашвырнул далеко-далеко.

– Ты что наделал! – закричала Арина.

– Утонули шузы так утонули.

- Дурак!

- Кто, я дурак? - теперь уж возмутился Филипп.

- Гребь скорее! Может, успеем поймать. Да гребь же!

- У меня, если ты не заметила, две ноги и одна кроссовка мне без надобности.

- Да гребь же! Утонет! Вот вторая! - выхватила из сумки кроссовку Арина. - Я пошутила. Гребь!

- У тебя приколы! - только и мог сказать Филипп.

Они долго кружили на месте предполагаемого падения кроссовки. Арина чуть не плакала, она была готова нырнуть в холодную воду, только бы вернуть Филиппу злополучную кроссовку. Но та, очевидно, легла на дно, на десятиметровую глубину. Видя отчаяние Арины, Филипп утешал ее, говорил, черт с ними, с кроссовками, он себе другие купит и даже врал, что кроссовки были ему маловаты. Навсегда зарекшись быть загадочной или игривой, Арина неожиданно и безотчетно провернула самый трудный женский приемчик: из виновницы превратилась в жертву, из ответчицы в потерпевшую.

Филипп шлепал по улицам босиком, на него смотрели подозрительно-насмешливо, но косые взгляды почему-то вызывали не стыд, а веселье. Дом Арины находился недалеко от парка, Филипп жил на другом конце города. Арина настояла, чтобы Филипп подождал ее во дворе, она сбегает за какой-нибудь папиной обувкой. Папа и мама оказались дома.

- Дай на время свои кроссовки, - торопливо попросила Арина отца. - И носки.

- Зачем? - насторожился папа.

- Кому? - уточнила мама.

Арина спешила, почему-то боялась, что Филипп может уйти, не дожидаться. Ей хотелось поскорее хоть как-то загладить свой идиотский промах.

– Это одному парню, – быстро объясняла Арина. – Он утопил свои кроссовки, то есть утопил одну, потому что думал, что я утопила сначала другую, а я не топила, просто глупо пошутила.

Родители ничего не поняли.

– Какому еще парню? – спросил папа.

Мамин вопрос, как всегда, был точным:

– Где этот парень?

– Сидит во дворе, – махнула рукой в сторону балкона Арина. – Папа, у тебя, кажется, есть новые кроссовки? Дашь? Только подойдет ли размер?

Родители, не отвечая, прошествовали на балкон. Арине ничего не оставалось, как последовать за ними. Она помахала рукой Филиппу, он помахал в ответ.

С высоты третьего этажа родители не могли хорошо рассмотреть парня, но существенные нарушения заметили.

– Почему он босой? – спросил папа.

– Я же объясняла! – вспыхнула Арина. – Мы катались на лодке, Филипп выбросил кроссовку в воду, думал, что я другую утопила. Он думал, потому что я сказала, а я сказала для игривости. Что тут непонятного?

– Все! – ответил папа.

Мама, видя дочь в непривычном возбуждении, решила, что к объекту волнения Арины надо присмотреться внимательнее.

– Пусть босой мальчик поднимется в квартиру, – постановила мама.

Так получилось, что после первого же свидания родители Арины познакомились с Филиппом. Когда история с утопленными кроссовками была восстановлена,

над Ариной потешались в три голоса. Правда, Филипп быстро переметнулся, стал говорить, что шутка была прикольной, просто он не въехал. Родителям Филипп понравился.

Арина и Филипп виделись каждый день. Он норовил заглянуть в кондитерский цех во время работы, а после смены они гуляли по городу, обедали в кафе, ходили в кино – не расставались до позднего вечера. У Арины росло и крепло чувство, которое она назвала бы не любовью, а родственностью.

Однажды она так и сказала Филиппу:

– Ты мне точно родной! Как брат-близнец. Будто нас разлучили в детстве, а теперь мы встретились и понимаем друг друга с полуслова и наговориться не можем.

Филиппа ее признание не порадовало.

– Только фараоны женились на своих сестрах, – сказал он.

Арина вспыхнула, услышав это замаскированное объяснение в любви, и смущенно возразила:

– Чем плохи фараоны? Они те же цари.

– Фараоны выродились, – напомнил Филипп.

– А я на экзаменах провалюсь, – вздохнула Арина без всякой связи с предыдущей темой. – Мама и папа мечтают, чтобы я в институт поступила, но ничего не выйдет.

Арина все свободное время проводила с Филиппом, учебников так и не открыла.

– Хочешь, я вместе с тобой буду поступать? – великодушно предложил Филипп.

– Правда? – обрадовалась Арина. – Там есть механический факультет.

– Мы провалимся оба, – продолжал Филипп, – и твоим родителям будет не так обидно.

Но они, к большому удивлению, поступили. На устных вступительных экзаменах нужно было хоть экать, хоть бэкать, хоть мычать – только не молчать. Письменные экзаменационные работы, наверное, никто и не читал. Филиалу института требовалось выполнить план набора коммерческих студентов, и брали всех без разбора, лишь бы плату внесли.

Арина и Филипп были уверены, что вылетят после первой сессии, и снова ошиблись. Деньги решали все. Только за экзамены теперь платили не в кассу, а сбрасывались, староста группы передавал деньги преподавателям, те рисовали в зачетках положительные оценки. Ситуация повторилась и в летнюю сессию. Ребята могли себе позволить потратиться на экзамены, хотя сама по себе ситуация с липовой учебой отдавала бессмысленностью – платить деньги за незнание, за корочку в будущем, за студенческий отпуск? Через два года филиал в их городе закрыли, и сдавать сессию нужно было в Москве. Там вовсю катил тот же конвейер поборов перед экзаменами.

Справедливости ради нужно сказать, что в столице некоторые предметы и спецкурсы по хлебопечению заинтересовали Арину, она ими увлеклась и сдавала экзамены честно, без денег. Филипп тоже почерпнул немало полезного в дисциплинах по ремонту, монтажу и сервисному обслуживанию хлебопекарного и кондитерского оборудования. Преподаватели были винтиками в давно отлаженной системе, хорошо зарабатывали на незнании студентов, но, истосковавшись по настоящим ученикам, если видели мало-мальскую заинтересованность в своих предметах, горячо откликались.

Филипп и Арина поженились на втором курсе. Во время подготовки к свадьбе Арина гораздо больше пыла и заинтересованности выказала свадебному караваю, чем подвенечному платью. Что платье? Они все красивые, одно другого наряднее, ошибиться невозможно. Другое дело – каравай. Арина раззадорила профессиональную гордость сослуживиц. Десять раз поссорилась и помирилась с товарками, рыдала и доводила до слез технолога. И все-таки они добились нужного вкуса теста, испеченный свадебный каравай своим украшением напоминал покрытую лаком деревянную скульптуру, вырезанную рукой мастера. Рецепт этого каравая потом взяли в ассортимент, в продаже он значился как «Каравай свадебный элитный», а в цехе его все называли «Аришкин». После успеха с караваем Арина попыталась внедрить и другие свои задумки, но

столкнулась с жестким и безоговорочным сопротивлением коллег. Одно дело – свадьба у самой молодой сотрудницы, тут все костыми легли и капризу потакали. Другое дело – всякую блажь на поток ставить. «Из яиц и курочки сделает и дурочка», – напомнили Арине поговорку. А им нужно было извернуться без яиц и курочки, да с большим припеком работать.

Загодя было решено, что Филипп переезжает к Арине. У нее была своя комната, а Филипп в точно такой же двушке делил комнату с сестрой и братом, родители – в соседней. Но накануне свадьбы кто-то спросил Филиппа: «В примак идешь?» Он не понял, посмотрел в Интернете, что такое «примак». Словарь Даля не порадовал: примаком называют зятя, принятого в дом тестем. Примак – он же призяченный, влазень и животник.

– Я влазнем не хочу быть! – заерепенился Филипп. – Тем более – животником!

Его строптивость Арине показалась глупой, о чем она прямо и заявила. Но Филипп стоял на своем – как-нибудь поместимся у моих или давай комнату снимать. Обычно покладистый и мягкий, Филипп вдруг уперся – не сдвинешь. Нашла коса на камень.

Полюбив Филиппа, Арина не только расцвела и выглядела настоящей красавицей, но и не поглупела, как часто бывает со счастливыми девушками, у которых первый чувственный опыт тормозит работу мозга. Напротив, Арина стремительно набиралась мудрости, словно внутри нее открылась и активно наполнялась копилка женской науки. И то, до чего Арина доходила своим умом, методом проб и ошибок, не описывалось ни в одном журнале.

Арине удалось переубедить Филиппа, приведя в пример известного и заслуженного государственного деятеля:

– Человек всю жизнь носит фамилию Примаков. И не стесняется! И достиг высот, и никто его влазнем или животником не дразнит. Не место красит человека!

Примаков на Филиппа подействовал, и в примакмах Филипп зажил славно. Родители и молодые сосуществовали на зависть мирно. Никто не спорит, что новой и старой семье лучше жить порознь. Но если нет такой возможности, любящие и деликатные люди сумеют проявить терпение, пойти на компромисс или даже на жертвы ради доброй атмосферы в доме. Родители старались ни в

чем не стеснять молодых и предоставить им максимум интима. Слышимость в квартире была как в карточном домике, поэтому мама и папа Арины вечером включали телевизор на полную громкость и засыпали под оглушительные вопли позднего рок-концерта. Когда случались мелкие бытовые споры, общее мнение отсутствовало, то группировки менялись: то тесть с зятем выступали единым мужским фронтом, а мама с дочкой противились покупке нового перфоратора в ущерб зимним сапожкам, то зять с тещей объединялись против слишком частых и вредных для фигуры Ариных печений. Отец Арины, давно махнувший рукой на лишний вес, стал на защиту дочери, не желая отказываться от вкуснейших булок-плюшек и пирогов-расстегаев.

Богатство свалилось на Арину неожиданно, хотя никакого чуда в этом не было. Одному состоятельному человеку приглянулся старый деревенский дом прабабушки Гали. Дом стоял в живописном месте, при доме участок в двадцать соток, а если прикупить бывшее картофельное поле, то захватывался спуск к реке с маленьким песчаным пляжем. Для Арины и ее родителей старый дом был головной болью. Машины у них не имелось, от конечной остановки автобуса до деревни нужно топать пять километров и все тащить на себе – от инструментов и гвоздей, до хлеба и еды.

Ничего ценного в доме оставлять было нельзя, потому что процветало воровство. Каждый приезд начинался с того, что из схорона в подполе доставали топоры, лопаты, одеяла и постельное белье, посуду и прочие необходимые вещи. А перед отъездом все это нужно было снова прятать.

Кроме того, Аринины родители не любили ковыряться в земле, папа считал, что картошку и овощи проще купить в магазине, чем корячиться на грядках, а потом переть все в город на своем горбу.

Арина очень любила старый дом, и у нее сердце обливалось кровью: дом ветшал, огород и палисадник зарастали бурьяном. Но Арина понимала, что не только человек владеет домом, но дом владеет человеком, требуя постоянной заботы. То крыша прохудится, то печную трубу надо чистить, то ступеньки подгниют, то забор завалится – конца и края этому не видно, и проблемы будут только накапливаться.

Филиппу нравилось выезжать на природу, он выполнял срочные аварийные работы, но без особого удовольствия, по необходимости. Для Филиппа идеал дачи – это приехать, сходить в лес за грибами, искупаться в реке, попариться в бане, пожарить шашлыки. Но никак не махать топором с утра до вечера или косить траву.

Арина, наследница и владелица дома, после настойчивых просьб бизнесмена Воронина согласилась встретиться с ним. Она шла на встречу, чтобы лично объяснить человеку, что дом не продается. Воронин отказов по телефону не принимал и обижался на нежелание вести переговоры. Обижать людей Арина не любила. Филипп не разделял точки зрения жены, но помалкивал, потому что право голоса принадлежало только Арине.

Встреча происходила в офисе Воронина. Арину и Филиппа провели в комнату для переговоров, предложили чай и кофе, печенье и шоколад, извинились – господин Воронин немного задерживается, у него срочный телефонный разговор с зарубежными партнерами.

Заманив молодых людей на свою территорию, окружив их точно высоких особ заботой, подчеркнув свою значимость и занятость задержкой, Воронин рассчитывал произвести впечатление, подготовить базу для торга. Но поскольку Арина не собиралась продавать дом, эти уловки не сработали. Филипп и Арина не заробели, болтали о своем, пока не пришел Воронин. У него было приятное лицо и располагающие манеры, неопределенный возраст – уже за тридцать, но еще не шестьдесят. Такую внешность Арина несколько раз отмечала у людей, облеченных властью. Они точно носили тонкую маску на лице – светились доброжелательностью, уверенностью, излучали надежность и оптимизм. Но под маской Арина угадывала настоящее лицо – бесконечно усталое, напряженное, отвыкшее расслабляться. Двумилые люди – богатые, властные, хозяева жизни – вызывали у Арины сострадание. Филипп, ясное дело, над тонкостями физиогномики никогда не задумывался, и Воронин произвел на него впечатление крепкого делового мужика себе на уме.

– Вы извините, – сказала Арина, – но бабушкин дом не продается.

– Продается все, – покровительственно улыбнулся Воронин и, увидев реакцию Арины, уточнил: – Я не имею в виду чувства, конечно. А вещи, предметы – от Эфелевой или Пизанской башни до отпечатка мамонта или ржавого копья скифов – имеют цену. Она может быть реальной, но может и зависеть от

капризов, фантазий продавца. Надеюсь, что я удовлетворю вашу фантазию. За бабушкин дом я предлагаю полтора миллиона рублей. Это очень и очень высокая цена. Подумайте! Это стоимость нормальной двухкомнатной квартиры в нашем городе. Разве вам не нужна своя квартира?

«Нужна, еще как нужна», – легко прочиталось на лицах Арины и Филиппа.

Но Арина помотала головой:

– Простите, нет!

– Сколько же вы хотите? – спросил Воронин.

Арина хотела сказать, что они нисколько не хотят, что этот дом для нее – много-много чувств, которые не продаются.

Но неожиданно подал голос Филипп:

– Пять миллионов! – брякнул он.

– Ого! – задрал брови Воронин.

– Да что ты... – начала Арина, повернувшись к мужу.

– Согласен! – быстро сказал Воронин. – Пять миллионов рублей и в качестве бонуса оформление за мой счет.

Арина и Филипп растерялись. Они не представляли себе эту сумму. Человек, который получает пятнадцать тысяч рублей в месяц, не умеет считать на миллионы. Но совершенно определенно цена несоразмерна покупке.

– Это слишком много, – пробормотала Арина. – Зачем вам... почему вы...

– Мне очень понравилось место, просто влюбился в него. В конце концов, я могу позволить себе этот каприз. Как, впрочем, и вы себе свой. По рукам?

Он поднялся и протянул руку Арине, она машинально пожала ее. Воронин обменялся рукопожатием с Филиппом и сказал, что договор купли-продажи будет готов на следующей неделе.

Пять миллионов рублей, упавшие в банк на счет Арины (у Филиппа, конечно, была доверенность на полное управление счетом), взбудоражили родню. Никто не мог представить себе эту сумму, но любимым занятием стало подсчитывание, сколько можно на пять миллионов купить: квартиру, машину, барахла. При этом старшее поколение придерживалось мнения, что деньги тратить нельзя, вон какие проценты капают. Молодежь считала глупым копить. На что? И так денег куча, вот счастье подвалило.

У Арины была мечта, совершенно несбыточная, Арина о ней никогда не говорила, но все и так знали. Арина помешана на хлебопечении и кондитерстве, предел ее мечтаний – иметь собственную пекарню. До продажи дома глупо было строить подобные проекты и вдруг стало – реально.

Месяц Арина и Филипп боялись притронуться к деньгам, а потом вошли во вкус. Первые их траты были подарками родителям. Обеим мамам купили по норковой шубе. Это было необычно, немного страшно и очень приятно – отвалить по шестьдесят тысяч за шубу. Конечно, не в деньгах счастье. Но видеть, как твоя мама раскраснелась, ошалела от радости – не только из-за дорожкой обновки, а и потому, что дети могут себе позволить подобные жесты – разве не счастье?

Хотели еще бабушке Филиппа купить норку, но бабушка решительно открестилась:

– Смерти моей хотите. Я вжисть не носила мехов, случись что с шубой – потрется или моль побьет, я на тот свет раньше времени от расстройства сыграю.

– Но что же вам подарить, бабушка? – спросила Арина.

– Ничего мне не нужно, милая. У вас все было бы хорошо – это для меня лучшее.

Филипп и Арина задумались. У них столько потребностей, а ведь бабушке действительно уже ничего не нужно.

– Так не бывает, – сказал Филипп. – Бабуля, должно быть у тебя желание. Колись или шубу купим!

Бабушка помялась, поотнекивалась, а потом все-таки сказала, что мечтала на могиле деда поставить гранитный памятник.

Памятник был установлен, родителям Филиппа куплен новый холодильник, в квартиру Ариных родителей – большой телевизор и стиральная машина, брату и сестре Филиппа подарили по компьютеру, двоюродным – хорошие сотовые телефоны.

Филипп и Арина чувствовали себя Дедом Морозом и Снегурочкой, которые направо и налево раздают подарки. Арина говорила, что у Деда Мороза и Снегурочки не работа, а сплошное удовольствие – делать людей радостными и счастливыми.

К ним потянулись знакомые, малознакомые и знакомые через третьих лиц люди занимать деньги. У каждого была своя печальная история и настоятельная потребность в деньгах. Арина никому не отказывала, просили-то по мелочи – что такое три или пять тысяч по сравнению с миллионами в банке? Но родители при полной поддержке Филиппа пресекли разбазаривание средств.

– Это ведь тебе от бабушки подарок, – напомнила мама. – Чтобы ты свое дело открыла, то есть ее дело продолжила. Хватит транжирить! По крупинке да по крупинке весь амбар вычистят. Оглянуться не успеешь – в банке кукиш останется.

У Филиппа появилось новое словечко – «бизнес-план». Муж говорил, что все нужно делать по уму: квартиру покупать, машину, дело открывать – в соответствии с бизнес-планом.

Но до всех деловых планов они съездили в Италию. Филипп признался, что с детства мечтает побывать в Венеции, увидеть город, в котором дома стоят на воде, – вышел из парадного, спустился по ступенькам, сел в лодку и поплыл по делам. Лодки с задранными носами и хвостами называются гондолами, а лодочники – гондольерами, у них своя красивая униформа.

Филипп учился в пятом классе, накануне Нового года мама спросила его:

- В каком костюме ты хочешь быть на празднике?

- Гондольера, - ответил Филипп.

- Кого-кого? - возмутился отец. - Гондольера?

Отец работал крановщиком и никогда не интересовался Италией. Когда Филипп рассказал про венецианских лодочников, отец покачал головой и посоветовал:

- И все-таки лучше, сынок, нарядись зайчиком или волком. Не позорься.

Арина предложение Филиппа горячо поддержала, мечтательно закатила глаза:

- О, Италия! Чиабатта, фокачча, романьоньская пьядина, пистокку!

- Они далеко от Венеции? - спросил Филипп.

- Это сорта итальянского хлеба! - с упреком ответила Арина. - Чиабатту пекут в Москве, но из импортного замороженного теста. Хотя рецепт прост, нужно только правильные сорта муки и хорошие дрожжи. И кондитерка в Италии, наверное, потрясающая. Решено - едем!

Они купили тур по Италии и побывали не только в Венеции, но и в Риме и Флоренции. Впечатления от поездки остались самые прекрасные, но и сами Филипп и Арина запомнились персоналу гостиниц во всех трех городах. Дело в том, что каждый вечер, возвращаясь в гостиницу, Арина покупала полные пакеты хлеба и выпечки - на пробу. Остальные члены туристической группы думали, что молодая семья экономит на ужинах и трескает в номере булки. Но съесть такое количество было немыслимо.

- У вас углеводная диета? - спросила, не сдержав любопытства, одна женщина.

И кивнула на сумки, из которых торчали будто клюшки для гольфа батоны.

- Что не съедим, - ответил Филипп, - то понадкусываем.

Арина действительно только дегустировала продукты, потом записывала в свою тетрадочку название и свои впечатления. Наутро горничные обнаруживали в номере гору надкусанных хлебобулочных изделий и не решались их выбрасывать. Вечером Арина приносила новую партию для тестирования. К пятому дню пакеты с черствым хлебом и недоеденными пирожными занимали все горизонтальные поверхности в номере, включая пол и исключая только кровать.

Арина и Филипп никогда не останавливались в гостиницах и правил проживания не знали. Администрация отелей, хотя и привыкла к чудачествам постояльцев, такого еще не видела: не батареи бутылок от спиртного, а килограммы несъеденного хлеба! И поверх пакетов бумажка с несуразной надписью. Дело в том, что Арина и Филипп стеснялись сами вынести отходы дегустаций. Вносить – нормально, а выносить – неудобно, что персонал подумает? Персонал думал, что эти русские у них тараканов с мышами разведут. Арина выяснила, что мусор в Италии не выбрасывается скопом, а сортируется. Если выбросил пищевые отходы в бак для пластика и для бумаги – штраф. Экскурсовод сказала, что пищевые отходы называются «органика» или «мундиция умида» – «мусор влажный» в дословном переводе.

«Мундиция» запала Филиппу в голову, и он весь вечер у телевизора повторял это слово применительно к игре российских футболистов, проигравших очередной товарищеский матч. И так надоел Арине, что она выбрала «органику» для своих целей. Добросовестно писала на листочках бумаги «organics» и водружала на пакеты с надкусанными хлебобулочными изделиями. Но логика ее действий так и осталась непонятой персоналом отелей. Что имели в виду эти русские? От греха подальше, оставим пакеты нетронутыми.

Туристы из группы расспрашивали гидов о магазинах, о скидках, Арину же интересовало, где можно приобрести ферменты для хлебопечения. Но гиды слыхом не слыхивали о маточных дрожжах и отсылали в супермаркеты, где продавали обычные прессованные или сухие дрожжи.

Арина, если ее не остановить, могла часами рассказывать о дрожжах, об опаре, о закваске. Дрожжи – они живые, их выращивают как растения, они – настоящее чудо, превращающее смесь муки и воды в произведение хлебопечного искусства. Арина умела замесить слоеное, песочное, заварное тесто, но ее любимым было дрожжевое – дышащее, растущее, нежное, передающее свои

свойства по наследству, потому что закваску делают с применением старого теста. Рабочий материал пекаря можно было бы сравнить с глиной скульптора, но сравнение будет не в пользу скульптора. Что глина? Не хватило, новой намесил. А тесто самое вкусное бывает, когда несколько раз поднялось. Его прокалывают или месят, чтобы высвободить пузырьки углекислого газа, и опять оставляют подняться. Тут появляется риск – дрожжам может не хватить сбраживаемого субстрата, и тесто перестанет дышать и расти.

К сожалению, местный завод по производству дрожжей не мог похвастаться отличной продукцией. Технология часто не соблюдалась, дрожжи выходили больными, слабыми и малоэффективными. Самой выращивать дрожжи сложно – процесс начинается с пробирок, с химической лаборатории со специальным оборудованием и термостатами. Поэтому хорошие исходные материалы: дрожжи, мука, разрыхлители и прочие добавки имели очень большое значение. Без качественных исходников не было смысла затевать дело. В современном производстве не обойтись без химических усилителей, но Арина не собиралась ими злоупотреблять.

Им потребовался без малого год, чтобы открыть свое дело. Было страшно ввязываться, так иногда страшно, что хотелось все бросить, пустить деньги на красивую беспечную жизнь, на зарубежные поездки – потратить миллионы и забыть о них. К счастью, приступы отчаяния у Арины и Филиппа не совпадали по времени. Когда у Арины опускались руки, муж оптимистично загибал пальцы:

– Во-первых, у нас есть бизнес-план. Во-вторых, не боги горшки обжигают. В-третьих, мы ничего не теряем из того, что у нас было год назад. Как свалились на нас деньги, так и уплывут.

– Правильно! – поддерживал зятя Аринин папа. – Надо как на рояле играть – глаза боятся, а руки делают.

Никто не понял сравнения, Аринина мама посмотрела на мужа подозрительно – что он под «роялем» имел в виду? И уточнила:

– Не корову продавать.

Родители Арины и Филиппа нервничали еще больше молодых. Понятие «открыть свой бизнес» относилось к сфере, в которую родители никогда не заглядывали и

не мечтали. Но они хотели, чтобы дети вырвались в высшие сферы, и неуклюже прятали свои страхи, активно помогали, чем могли.

Когда Филипп после очередного «динамо» поставщиков – обещали одну цену, по факту требуют более высокую – срывался и говорил, что в гробу видел этот бизнес, Арина, пребывая в другой фазе, успокаивала мужа и хвалила за то, что не пошел на поводу у рвачей и ханыг.

Им не удалось купить квартиру, зато приобрели помещение в сто двадцать квадратных метров на первом этаже в доме, который находился на бойком месте, в центре. Вместо престижной иномарки Филипп купил «Газель». Бизнес-план постоянно менялся, и от первичных задумок пришлось отказаться. Хотели развернуться по-взрослому: большой цех с печами, тестоделителями и тестоокруглителями, закаточными машинами, расстоечными камерами и шкафами, миксерами, хлебрезательными машинами и прочим оборудованием. В итоге остановились на мини-пекарне с самым необходимым оборудованием, которое разместилось на площади в сорок квадратных метров.

Арина настаивала, чтобы при пекарне было небольшое кафе на пять-шесть столиков. Пирожки и пончики с пылу с жару и чай, кофе. Она хотела видеть, как люди утоляют голод, их лица в момент распробывания ее изделий. Для этого, собственно, все и затевается. Чтобы купили один раз батон или подовый хлеб и пришли второй, третий раз.

Желания Арины были вовсе не альтруистическими. Ведь ей хотелось признания, восхищения, славы. Надежда разбогатеть, перейти на качественно другой уровень жизни тоже присутствовала, но только как перспектива, отдаленное будущее.

Под кафе и магазин отвели пятьдесят метров, два санузла – служебный и для посетителей, кладовые, маленький кабинетик – вписались тык-впритык. Арина и Филипп уволились с хлебозавода, потому что устройство пекарни требовало их участия с утра до вечера.

Проблемы множились и росли снежным комом. В помещении, которое купили, раньше находился магазин готового платья, норма потребления электроэнергии и на треть не покрывала требуемого для пекарни. Если использовать магистральный газ, то не упадет ли давление в газопроводе? Нужно было

устанавливать мощное вентиляционное оборудование – взбунтовались жители верхних этажей дома.

Местный архитектор, которому заказали дизайн-проект, заломил несусветную цену, но, как оказалось, ничего не смыслил в требованиях к пищевым производствам.

И так на каждом шагу – куда не торкнись, везде проблемы, ничто не текло как по маслу, не давалось с первого подхода. Не хватало знаний, об опыте речь уж вовсе не шла. Как рассчитать стоимость пирожка, свадебного караваея или круассана, при этом не отпугнуть ценой и остаться рентабельными?

Каковы должны быть запасы исходных продуктов с учетом возможных сбоев в поставках? Покупать ли холодильник с прозрачной дверцей для «долгоиграющих» пирожных? Автомат для газированных напитков? Как наладить вывоз мусора, ведь посуда в кафе будет пластиковой, одноразовой?

В области, при губернском правительстве имелся комитет содействия малому бизнесу. Комитет представлял собой чиновника, который только и предложил Филиппу кредит на льготных условиях. Кредитов Арина и Филипп остерегались, а их родители и вовсе считали кредиты петлей на шее, вслед за которой у всех отберут квартиры и пустят по миру. Филипп попросил чиновника выступить гарантом при заключении договоров с поставщиками, что подразумевало скидки, предоставить по разумным ценам услуги плановиков и экономистов, финансировать рекламу. Чиновник кивал и записывал за Филиппом.

– Мы обдумаем ваши предложения, – сказал чиновник, отложив ручку.

– Это не предложения, – хмыкнул Филипп, поняв, что помощи ожидать нечего, – это просьба о содействии. Вы ведь чиновник по содействию?

– Председатель комитета. Для вас, Филипп, хотя вы еще не начали деятельность, у меня есть премиальное поощрение. Семинар для индивидуальных предпринимателей! Только для избранных! Неделя в доме отдыха на берегу Волги. Все включено. Лекции ученых экономистов, мастер-классы ведущих бизнесменов. Вы меня понимаете? – подмигнул чиновник.

– Понимаю, – встал со стула Филипп. – У вас свой бизнес-план, у меня – свой. Вот только мне сейчас не до мастер-классов под уху и загорания-купания. Мне бы витрину и пластиковые окна найти подешевле.

Государство в лице чиновника по содействию никакого содействия не оказало, а человеческая помощь была бесценной. Приехав на очередную экзаменационную сессию в Москву, Филипп и Арина засыпали своих преподавателей вопросами. Преподаватели не только потратили много часов на консультации молодых предпринимателей, но составили им протекции. Филиппа связали с поставщиками оборудования, Арину – с директором мукомольного комбината. Известный архитектор, к которому опять-таки пришли по звонку, сказал:

– Мои услуги вы материально не потянете, но у меня есть дипломница, очень перспективная девушка.

Дипломницу звали Настей, темой ее дипломной работы и стала мини-пекарня с кафе. Настя оказалась невероятно дотошной, въедливой и скрупулезной – качества при ее специальности первейшие. В ее проекте были учтены все СНиПы, требования, использован каждый сантиметр площади. Настя пять раз за свой счет приезжала на стройку, осуществляя архитектурный надзор. Ремонтники боялись этой хрупкой маленькой девушки, которая могла устроить скандал из-за того, что потолочный угол в туалете был не девяносто градусов, а восемьдесят пять, из-за того, что навесные шкафы заезжают на плиточный бордюр, а должны идти встык.

Архитектурно-строительный проект, который создала Настя, дополнялся спецпроектами – систем водоснабжения и канализации, отопления и канализации, вентиляции и кондиционирования, системы электроснабжения, противопожарной безопасности и пожаротушения. Все эти проекты требовалось, во-первых, разработать, во-вторых, утвердить в областных учреждениях. Хитрость заключалась в том, чтобы заказать проекты тем самым людям, которые будут их утверждать. Открытия и постижения подобных хитростей существенно сэкономили деньги и время. В ходе строительства у чиновников соответствующего профиля подписывались акты освидетельствования скрытых работ – систем отопления, канализации, вентиляции, спринклерного пожаротушения, гидравлических испытаний горячего и холодного водоснабжения и прочие. Документов было море. Арина и Филипп завели множество папок, в которые складывали документы по темам и называли их «наша бюрократия».

В первичном бизнес-плане отдельной статьей расходов значились взятки. Ребята столько наслушались и начитались о чиновничьих поборах, что относились к ним, как к неизбежным тратам. Но они не дали ни одной взятки! Все делали по закону, по правилам. Настя вдолбила, что нормы и СНИПы – это концентрированный опыт профессионалов и специалистов, им надо следовать, не рассуждая. Поэтому придраться в пекарне ни пожарным, ни санитарным врачам было не к чему. Кроме того, сам вид Арины и Филиппа – молодых, дерзких и одновременно напуганных своей смелостью, вызывал сочувствие и желание помочь. Лишь у самых отъявленных взяточников могла подняться рука потребовать с этих юных предпринимателей мзду. Таковые Арине и Филиппу не встретились, только сочувствующие, содействующие, подсказывающие.

Их круг общения невероятно расширился, в его орбиту постоянно попадали новые люди или старые знакомые открывались с неожиданной стороны. Настя привезла художника Леву, с которым до хрипоты спорила об оформлении витрины. Хотелось, чтобы лицо пекарни имело традиционные черты, вроде блюда с аппетитной выпечкой, и в то же время соответствовало молодежному стилю – помеси граффити и дизайна компьютерных игр. Лева сделал больше десятка эскизов, призывал в арбитры Арину, Филиппа и трех их друзей – местную часть команды, активно участвующей в создании пекарни.

Антон, электрик, приятель Филиппа с хлебозавода, монтировал в пекарне все электрооборудование. Антон был молчуном и казался тугодумом, хотя на самом деле имел цепкий ум, творческую жилку и оригинальное чувство юмора.

С Сергеем, продавцом на строительном рынке, Филипп познакомился, когда покупал материалы для черновых работ. Сергей спросил: «Для себя берешь или для хозяина?» Оказывается, «для хозяина» можно было нарисовать счет, превышающий реально уплаченные деньги, чтобы разницу положить в карман. Филиппа, который считал каждую копейку, разозлил подобный шахер-махер, и он высказал все, что думает по этому поводу. Серега не задержался с ответом. Едва до кулаков дело не дошло. Но потом оба вдруг одумались: из-за чего сыр-бор? Им-то лично махинации без надобности. Филипп рассказал про пекарню, Серега проникся. Он был легким на подъем, заводным, азартным. Сергей выбивал для Филиппа стройматериалы по минимальной стоимости, договаривался о доставке за полцены.

Третьим членом команды была Даша, студентка-филолог, школьная подруга Арины. Участие Даши поначалу не имело конкретной выгоды, но девушка вносила в общение сбалансированность: мужские горячность и резкость гасились ее природной способностью видом своим напоминать о бренности бытия. Настя говорила Арине: «Твоя подруга похожа на огнетушитель. Стоит в углу, пользы не приносит, но с ним не забываешь о вероятности пожара».

Столично-провинциальная команда провела много вечеров в горячих спорах под сухое вино и Аринину выпечку, имевшую большой успех.

Провинциальным ребятам поначалу было непривычно участвовать в диспутах на художественные темы, но вино сделало свое дело, и они быстро освоились.

– Надо так, чтобы витрину рассматривали, – говорила Даша и тут же смущалась.

– Правильно! – восклицала Настя. – Глаз за что-то зацепился, ты остановился, рассматриваешь, замечаешь детали, тебе становится интересно...

– Я вам не Модильяни! – давился плюшкой Лева.

– При девушках не выражаться! – напоминал Антон.

– Картинка должна вызывать, – глубокомысленно изрекал Сергей.

– Кого? – спрашивал Филипп.

– Не кого, а что. Аппетит.

– Я против голого натурализма, – возражала Настя.

– Не скажи! – качал головой Сергей. – Вот смотрю на фото обнаженной девушки в журнале. И она вызывает у меня желание... необходимость...

– Принять холодный душ, – подсказывает Антон.

– Можно и так сформулировать. А картинка горы выпечки должна вызвать выделение желудочного сока и неутолимое желание открыть дверь и отведать пирожков.

– Лучше и то и другое, – мечтательно произносит Филипп. – И девушка и пирожки.

– Друзья! – напоминает Арина. – У нас пекарня, а не стриптиз-клуб.

Родители Арины слышат, как на кухне молодежь то спорит до крика, то хохочет оглушительно.

В итоге на витрине появилась яркая картина: за столиком (точная копия столика в кафе) восседают девушка и молодой человек, перед ними блюдо с горой выпечки. Девушка хороша до невозможности – блондинка со струящимися волосами, напоминает какую-то актрису, но с ходу не понять, какую именно. Девушка изогнулась кокетливо, закинула ногу на ногу. У молодого человека вожделенно горят глаза – от вида девушки или от пирогов? Под столиком развалился рыжий кот. Арина была против кота – негигиенично в пищевом заведении. Но Лева нарисовал такого жирного, объевшегося, просто пьяного котятку, что забраковать его было невозможно. Кроме того, девушка носком туфельки щекочет брюхо котика. Опять-таки загадка: возможно, девушка думает, что ласкает молодого человека, ошибочно заигрывает с котом? На заднем плане витрина с ассортиментом – все то, что Арина планировала пустить в производство при открытии. Специально выпекала, фотографировала, отсылала по электронной почте Леве. Мимо витрины было не пройти, хотя бы потому, что ничего подобного в городе не имелось.

Над названием Арина долго не думала – пекарня «Галина». В честь прабабушки, которая привила любовь к хлебопечению и, по сути, обеспечила существование пекарни.

Обсуждением витрины их споры не ограничивались. Идеи сыпались постоянно. «Креативили», как выражались Настя и Лева, а потом это словечко подхватили Филипп, Арина, Сергей, Антон и Даша. Нужно придумать фирменный товарный знак и шлепать его на бумажные пакеты, в которые паковать проданный хлеб. На пластиковые пакеты – клейкий стикер-застежку с логотипом. Отслужившие армию Филипп, Антон и Сергей вспомнили, что в воинской столовой четверг был

рыбным днем, а по пятницам давали якобы курицу. Надо вывесить регламент – по понедельникам, например, пироги с ягодами, по вторникам – с капустой, по средам – расстегаи и так далее, все – со скидкой. Приучить народ, прикормить. На свадебные караваи цену задрать поднебесную. Во-первых, событие, когда деньги не считают. Во-вторых, Ариныны свадебные караваи – произведение искусства, которое по определению не может быть дешевым. Но караваю нужна красивая упаковка, не нести же его от пекарни до дома, завернув в простецкую бумагу!

Настя рассказала, как трепетно относятся в Японии к упаковке подарков. Родители Насти были дипломатами и несколько лет работали в Японии. Вы можете презентовать ерунду, но если вы с любовью, выдумкой, изяществом оформили эту ерунду, то ждите восхищения. Молодые люди: Филипп, Сергей, Антон – в другой жизни никогда бы не поверили, что могут спорить до хрипоты о картонных коробках для каких-то караваев.

Общее дело, сплотившее компанию на кухне Арины, имело, конечно, и подводные течения. Сергей и Антон упорно подбивали клинья под Настю и соперничали, как петухи. Даша смертельно влюбилась в Леву, изводила Арину рассказами о своих пламенных чувствах и жалобами на холодность Левы.

Арина и Филипп неожиданно для себя, а Настя и Лева осознанно и целенаправленно ковали предпринимательскую карьеру. Им будущее виделось дорогой вверх, а не по горизонтали. Они знали, чего хотят, и были полны решимости добиваться желаемого.

Сергей, глядя на них, утвердился в решимости открыть свою точку по продаже стройматериалов. Он не боялся кредитов, в отличие от Филиппа. Ну, прогорит. Посадят, что ли? Пусть попробуют. У него есть кореша в Коми-республике, он станет гнать в область пиломатериалы, минуя упырей-посредников.

Антон, поддавшись общему настроению или соперничеству с Сергеем, тиснул в местной газете объявление. Предлагал за разумную плату услуги по монтажу электропроводки и оборудования. Изумился и опешил, когда появились заказчики.

Даша ни о каком бизнесе не мечтала, но заговорила о воспитании чувств. Это, как поняла Арина, вроде тренировки эмоций. Если ты кого-то любишь

безответно, то твои чувства закаляются.

Параллельно молодежной группе поддержки существовала еще старшевозрастная. Чего стоило только участие родных, двоюродных тетушек и дядюшек! У Арины и Филиппа не было средств, чтобы заказать в типографии фирменные пакеты. Тогда, с подачи родителей, открылись в разных концах города кружки «умелые руки»: родне развезли рулоны бумаги, штемпельную краску и печати. Бумагу резали по лекалам пяти размеров, склеивали в пакеты, шлепали печати. К моменту открытия пекарни в кладовой образовались штабеля стратегических запасов фирменной упаковки.

Открывая ИП – индивидуальное предприятие, Арина и Филипп более всего опасались бухгалтерии и всего связанного с ней – отчислений, налогов, в которых не смыслили ни бельмеса, но что могло подвести под монастырь, если не под тюрьму.

– Бухгалтер у нас моя двоюродная сестра Дуся, – сказала мама Филиппа. – Дуся мне не откажет, я у нее свидетельницей на свадьбе была, потому что жениха месяц сторожила и на аркане в ЗАГС притащила.

– Дядю Петю? – вытаращил глаза Филипп.

– Его, – кивнула мама. – Еще тот гуляка был. Сейчас уж можно раскрыть. Это он теперь как вареник в сметане катается, а в молодости... Дуська брюхатая, заявление подали, а Петька хвостом крутит, лыжи наострил. Я его каждый день у проходной встречала и до дома провожала, как пиявка.

– Тайны мадридского двора, – хохотнул Филипп.

– Про тайны никто не знает, и вы не трепитесь. Зажили они справно, теперь уж внуков нянчат.

Тетя Дуся, Евдокия Петровна, главный бухгалтер швейной фабрики, действительно не отказала.

– Пойдем по минималке, – сказала она, – чтобы не двенадцать процентов, а шесть подоходного. Прибыли показывать не будем.

– Но как же мы без прибыли? – спросила Арина.

– Деточка! Твое дело пироги печь, а как прибыль спрятать – моя забота.

– Еще хотелось бы оговорить вашу зарплату.

– На ноги встанете, тогда и поговорим о зарплате.

Не только бухгалтер Евдокия Петровна работала бесплатно. За электрику Антон не взял ни копейки, только за материалы. Сергей жилы рвал, выбивая на строительном рынке выгодные цены для Филиппа.

Настя то ли искренне, то ли маскируясь объясняла свою бескорыстность цинично:

– Вы для меня не способ заработать, а трамплин. Я хочу заниматься промышленным дизайном, малыми предприятиями. Специалистов по интерьерам жилых помещений как собак нерезанных, конкуренция жесточайшая. Мы с Левкой делаем сайт, на котором все этапы обустройства вашей пекарни будут представлены семь на восемь. Поэтому я постоянно снимаю на видео и фотографирую.

Сайт появился в Интернете еще до открытия пекарни. У Левы оказался не только художественный талант, но и беллетристический. Он написал и выложил на сайте рассказ «Как помножить булки с сексом», в котором смешно и с изрядной долей вымысла описал их споры по поводу витрины. В рассказе был назван город, а действующие лица фигурировали под своими реальными именами. Так началась реклама. С витрины сняли покрывало, которое планировали убрать только в первый день работы, и повесили календарь: «До открытия осталось... дней». Три местные газеты прислали корреспондентов. Журналистов Арина заболтала, ее ведь хлебом не корми (смешное выражение по отношению к Арине), только дай рассказать про тесто, дрожжи и чудо рождения выпечки. В итоге Арине предложили вести колонку: раз в неделю публиковать советы, рецепты и рассказы о хлебах мира.

Настя в телефонном разговоре настойчиво твердила:

– Договорись, чтобы подписываться: «Арина Полякова, хозяйка пекарни „Галина“». Черт! Галина, Арина – в рифму и глуповато. Но это будет постоянная и бесплатная реклама!

Арина хорошо говорила, но совершенно не умела писать. Выразить свою мысль на бумаге была для нее мука мученическая. Строчила Даша. Арина наговаривала, Даша записывала и литературно обрабатывала. Визиты в редакцию газеты и тамошние бойкие журналисты отвлекли Дашу от воспитания чувств и страданий по Леве.

Еще до открытия витрины, к которой потекли любопытствующие земляки, случилось событие, которое едва не поставило на прикол азартно начавшееся дело. Арина забеременела.

Филипп пришел домой и обнаружил жену, ревущую в три ручья.

– Такая радость! Такое счастье! – плакала Арина. – Я беременна, у нас будет маленький.

Ребенок перечеркивал все их усилия. Без Арины пекарня не могла существовать, от Арины зависел успех, на нее главная ставка.

Филипп обнял жену и, переживая конфуз эмоций, принялся бестолково утешать.

Аринин папа потом скажет:

– Сидят голубки: дочка в слезах, зять в соплях. Одно слово – бээсэсмэны.

Так получилось, что в тот вечер родители Арины пришли домой вместе с мамой Филиппа, которая принесла очередную партию бумажных пакетов.

Арина плакала не столько от счастья или от огорчения, сколько от смеси этих чувств – от стыда. Ей было стыдно перед своим ребенком, хоть он сейчас не больше тараканчика и неизвестно, мальчик или девочка. Стыдно, потому что

радуется на полную катушку из-за пекарни, бизнеса, которые пшик в сравнении с новым человеком, их кровиночкой. Однако махнуть рукой на любимое дело и мечту не выходило. А получалось что, только зародившись, бедный ребенок был обделен родительской любовью, и она, Арина, плохая мать.

Переживания Филиппа были точь-в-точь. Он всегда хотел детей и много, какая семья без детей? Но сейчас младенец – нож острый для дела, которое затеяли. На последних сроках Арина не сможет стоять у печей, да Филипп ей и не позволит. А потом малыш родится, надо будет с ним сидеть. На какое время Арина выйдет из строя? На полгода, год, два? Это крах бизнеса, который так и не начался. Прощайте, денежки, усилия, надежды и мечты. С другой стороны, и речи не может идти об аборте. Он, Филипп, своих детей убивать не позволит.

Родители прекрасно поняли настроение Арины и Филиппа, но их состояние горя-радости почему-то вызвало у родителей веселье. Детки скуксились перед нормальной и простой житейской ситуацией. У деток скоро будет своя детка – нашли проблему! Обе мамы с ходу заявили: как Аришка будет на шестом месяце, перейдут в разные смены и по очереди станут помогать в пекарне, а потом, когда маленький родится, так же по очереди будут его нянчить, на два-три кормления, если Аришке надо обязательно в пекарне находиться, можно сцеживаться.

– Что делать? – не понял Филипп.

– Молоко грудное сцеживать про запас, – пояснила его мама.

Филипп с легким испугом уставился на красивую налившуюся грудь жены.

– И кто будет ее сцеживать? – глупо спросил он.

– Уж как придется, – хохотнул папа Арины. – В твое отсутствие придется дополнительные силы привлекать.

– Да перестань! – махнула на него мама Арины. – Шуточки у тебя! Видишь, парень с лица спал. – И не менее «ясно» уточнила: – Главное, чтобы молоко пришло. Но искусственники тоже хорошо развиваются.

– Какие искусственники?! – вспыхнул Филипп. – У нас все натурально было!

Родители и Арина покатались со смеху. Филипп чувствовал себя глупо, но, глядя на родных, которые не могли остановить хохота, понял, что проблема, казавшаяся роковой и неразрешимой, растворяется на глазах.

Арина, готовясь в потере дееспособности из-за беременности, пригласила на посменную работу в пекарне двух товарок с хлебозавода. Положила честную зарплату – два первых месяца по три тысячи, если дело пойдет, по пять тысяч. По меркам их города это был немалый приработок. Но ведь нелегко после смены или перед сменой на хлебозаводе шесть часов на ногах проработать. Кроме того, требования чистоты и аккуратности как в больничной операционной, от рецептуры ни на йоту не отступать, за украденную ложку муки – мгновенное увольнение. Последнее условие было не случайным. Обе женщины-кондитеры, ловкие и выносливые как рабочие лошади, были заражены всеобщим вирусом воровства. Их бабушки, мамы, дедушки, папы, соседи, приятели, знакомые на протяжении десятилетий несли с предприятий все, что плохо лежит, тырили нужное-ненужное, что подвернется. Это была система: воровали и директора (в крупных размерах), и сторожа (в мелких) – всегда. Арине и Филиппу, естественно, подобные рефлексы были не нужны. Не потому что жалко – противно!

Искусственные рефлексы в отличие от природных, генетических, оказывается, легко теряются. За время работы в пекарне ни одна из женщин плюшки домой не унесла, не заплатив в кассу. Более того, окунувшись в водоворот молодежного бизнеса, повели себя неожиданно. Увидели столичных Настю и Леву, которые буквально на четвереньках ползали по помещению, спорили до остервенения, украшая каждый квадратный сантиметр. И все – за так, за бесплатно.

Свои, местные, тоже не подкачали. Антон, электрик с их хлебозавода, думали себе на уме – рвач, а он за здорово живешь вкалывает после работы и еще про какие-то цепи слабых токов Филиппу талдычит.

Сергея со строительного рынка привез плитку на ступеньки, нескользящую. Как бракованную купил за бесценок, светится от удовольствия.

Даша-студентка ходит за Ариной хвостиком, мешает им к печам принаравливать, рецепты отрабатывать. Даша в газету пишет за Арину. Теперь Даше секреты теста для блинов требуются, Масленица на носу. Но самое главное – бухгалтерша, седьмая вода на киселе родственница то ли Арине, то ли Филиппу. Женщина их возраста, упакованная с ног до головы, куда можно повесить золото – везде присутствует, от ушей до запястий. Опять-таки бесплатно трудится. Именно ей обе кондитерши заявили:

– Два месяца берем не по три, а по две тысячи, а там посмотрим.

– Но в ведомости распишетесь за три, – предупредила бухгалтерша, качнув большими серьгами, звякнув браслетами и колыхнув гроздьями золотых цепочек на груди.

Арина умилялась:

– Представляешь, – говорила она мужу. – Они сами снизили себе зарплату! Сколько в мире прекрасных людей! Почему они прячут лучшее в себе? Почему самое хорошее в нас зарыто под брюзжанием, негативом и вечным недовольством жизнью?

Филипп не меньше жены был удивлен поступком двух кондитерш, которых он знал как ломовых тружениц, не ведающих усталости в работе, острых на язык, грубых в выражениях и не склонных к сантиментам. Но в последнее время Филипп взял привычку приписывать эмоции жены ее особому состоянию. Это не Арина блажила, а маленькая Галина (сомнений и споров по поводу имени не возникло) под маминым сердцем давала о себе знать.

– Галинка! – погладил Филипп живот Арины. – Хватит бузить. «Под негативом и вечным недовольством жизнью», – повторил он слова жены. – Ты стала выражаться как в своих газетных статьях.

В том, что мир населен не только прекраснодушными людьми, прячущими доброту и бескорыстие, Арине и Филиппу еще предстояло убедиться. Злодеи и мерзавцы существовали не только в телевизионной хронике.

Филипп хотел преподнести жене сюрприз – установил в пекарне камеры видеонаблюдения. Мол, находясь дома (сцезживая!), Аришка будет наблюдать за тем, что происходит в пекарне. Но сюрприз не удался. Арина в штыки восприняла его подарок.

– Я подсматривать ни за кем не буду! Это подло! Не доверять людям, которые трудятся для тебя почти бесплатно!

– Им никто в зарплате не отказывал, – огрызнулся обиженный Филипп, – сами предложили.

– Тем более отвратительно! Они к нам с чистой душой, а мы за ними подглядывать!

– Галинка, сбавь обороты, ты еще маленькая...

– Никакая не Галинка! Это я с тобой разговариваю! Хватит меня раздваивать! И немедленно убери камеры!

– Сейчас! Побежал на ночь глядя. Или можно поужинать? С утра один расстегай проглотил и ни маковой росинки. А расстегай, между прочим, был вчерашний. И рыбка с душком. Целый день живот крутило.

– Рыбка в моем расстегаете с душком?! – задохнулась от возмущения Арина.

Они поссорились. Что случилось не так уж редко. Арина и Филипп ссорились с регулярностью, присущей молодым семьям, в которых две личности притираются друг к другу, находя места для вечной спайки и на живую нитку латая участки непримиримых разногласий.

За ужином они помирились, потом снова поссорились из-за видеонаблюдения, до кучи вывалив накопившиеся упреки по другим поводам, которые могли бы увести неизвестно куда, не приди на помощь любовная тяга друг к другу, не растворись в объятиях, поцелуях и соитии накопившаяся усталость.

Утром Филипп вынес решение, тоном, не подлежащим обсуждению, изрек:

- Камеры уберу, но не сразу.

Арину подмывало спросить: «Не сразу – это когда? Через неделю, месяц, год?» – но она благоразумно промолчала. В семейной жизни, поняла Арина, больших побед без крупных жертв не бывает. А подтолкнув мужа к маленьким уступкам, не торопясь, можно достичь практически любой цели.

Шумиха вокруг пекарни настораживала Арину и пугала. Со всех сторон ей внушали, что реклама – двигатель успеха. Правильно, вроде не поспоришь.

- Но вы поймите, – говорила Арина друзьям, – вкусное пирожное должно быть сладким. А много сахара – это приторно.

- Чрезмерная реклама вызывает раздражение, – подхватывала Даша. – В нас живет знание, что хорошая вещь в славе не нуждается. Мы ненавидим рекламные паузы по телевизору и десятки раз обжигались на том, что, поведясь на расхваленную вещь, покупали откровенную дрянь.

- С точки зрения бизнеса, – размышлял Лева, – не важно, что продавать и какого качества. Главное – продавать много.

- Это с точки зрения подлого бизнеса, – не соглашался Филипп. – Нахапал – и прикрыл лавочку. А мы хотим свое дело передать детям, – он выразительно потыкал пальцем в живот Арины.

Воодушевленная его поддержкой, Арина продолжила:

- Из-за рекламы, а мы в Интернете и в газете, и на витрине, люди будут думать, что у нас какие-то особенные булки, пирожки из манны небесной. А у нас обыкновенные пирожки! Нормальные, съедобные.

- Просто боишься, что твои изделия не понравятся покупателям, – усмехнулась Настя.

- Дрейфит, – кивнул Сергей.

- Что естественно, - буркнул Антон.

Сергей всегда и во всем поддерживал Настю, Антон ей постоянно возражал - оба были в нее влюблены.

- В день открытия здесь может собраться толпа, очередь, - предположила Даша.

- Ажиотаж нам только на руку, - сказал Лева.

- Хуже, если никто не придет, - согласилась Настя. - Пустое кафе, скучающая продавщица у прилавка - это как мольберт, забытый на пляже, тоска.

По большому счету Настя, Лева, Антон, Сергей и Даша свои функции выполнили, и успех бизнеса должен был волновать только Арину и Филиппа. Но за дело переживали все, как за собственное. В то, что народ не придет на открытие пекарни, не верилось, а давка казалась вполне вероятной.

- Первые заскочат, столики займут, - хмурился Филипп. - Усядутся, не прогонишь их. Надо было стоячие места делать, высокие столы, без стульев.

- Ну да! - возмутилась Настя. - Как в совковых пирожковых.

- Сосисочно-сарделечных, - усмехнулся Сергей.

- В которых люди могли быстро и недорого подкрепиться, - напомнил Антон.

- Фастфуд для бедных, - продолжал насмехаться Сергей, поглядывая на Настю в надежде на одобрение.

- Да уж, не миноги с рябчиками для олигархов, - упорствовал Антон, не глядя на девушку.

- Мальчики, не спорьте, - манерно-капризно велела Настя и тут же предложила нормальным тоном: - Нужно придумать какое-нибудь развлечение для стоящих в очереди.

– Можно наварить компота или лимонада, сделать мешок сухариков, – предложила Арина, – и бесплатно угощать тех, кто в очереди.

– Сухарики и напитки будет, например, клоун раздавать, – подал идею Антон.

Лева не согласился:

– Лучше девочка, наряженная плейбоевским зайчиком – черный купальник, ушки, хвостик.

– Я не хочу хвостик, – испуганно проговорила Даша, решив, что именно ее Лева желает видеть вызывающе одетой, вернее – раздетой.

– Динамики на улицу вынести, музыку включить, – внес свою лепту Филипп.

Они были прожекторами, мечтателями, по каждому поводу фонтанировали идеями. Их часто заносило в сторону или ввысь, начав обсуждать проблему очереди при открытии пекарни, дофантазировались до дискотеки под открытым небом.

Мечтателям, строящим воздушные замки, бывает очень больно падать с облаков, разбивать нос о землю, по которой ходят не только прекраснодушные, отзывчивые и добрые люди.

Филипп и Арина наводили порядок в цехе: мыли противни, столы. Только что закончили очередное испытание печи – пирамида ватрушек с творогом отдыхала под льняным полотенцем. Во входную дверь позвонили. Филипп посмотрел на часы: десять вечера. Серега должен заехать за ватрушками завтра утром, сдаст их на реализацию в ларек на строительном рынке по десять рублей за штуку, ватрушек сотня, выручка – тысяча рублей. Продаваться ватрушки будут по двадцать рублей, но тут уж ничего не поделаешь. Арина каждый вечер пробные выпечки делала, хоть малую часть затрат покрыть – уже дело.

Филипп пошел открывать: наверное, Сергей решил сегодня выпечку забрать. Но за стеклянной дверью стояли четверо полицейских. Раньше они милиционерами назывались. Филипп не знал ни одного человека, который переименование одобрил бы, а люди старшего возраста восприняли его пугливо, настороженно.

Бабушка рассказывала, что во время войны страшнее немцев из регулярных частей были полицаи – свои, местные, предатели, на сторону фашистов перешедшие. Полицаи были садистами, извергами, не знавшими сострадания и жалости. В то, что смена вывески очистит ряды правоохранителей, никто не верил, о том, что аттестация, по сути, профанация, знали и дети.

Стоящий первым полицай нетерпеливо постукивал дубинкой по стеклу. От нехороших предчувствий Филипп напрягся, но дверь открыл. Чего ему бояться? И с какой стати оказывать неповиновение стражам порядка? Может, им помощь нужна.

Дверь Филипп открыл, но назад отшагнуть не подумал.

Спросил с порога:

– В чем дело?

– Проверка, – бесцеремонно оттолкнул его в сторону старший сержант.

Он был явно главный. Коренастый, с мясистым лицом, воловьей шеей – быкоподобный. Трое младших сержантов напоминали крыс или шакалов – оглядывались по сторонам с желанием что-нибудь схватить, урвать, впиться зубами. Но кроме столиков, пустой витрины в зале ничего не было.

– Что за дела? – повторил Филипп. – Что вам надо?

– Шоколада, – хохотнул старший сержант и двинулся в глубь помещения. Шестерки потянулись за ним, и получилось, что в цех Филипп вошел последним.

– Здравствуй, красотка! – нараспев поздоровался с Ариной полицейский.

Она не сразу его узнала. Когда узнала, ахнула:

– Юрка? Озеров?

– Собственной персоной!

До Арины доходили слухи, что после армии Юрка поступил в милицейскую школу, потом где-то служил, был даже офицером. Но натура взяла свое: то ли до смерти избил, то ли покалечил на допросе подозреваемого, сам попал под следствие. Выходит, выкрутился, теперь у них в городе возник.

– Что ж ты меня не дождалась, красотка? – Озеров улыбался плотоядно и шел на Арину, разведя руки в стороны, намереваясь обнять.

– Грабли убери! – рванул вперед Филипп.

– П-с-с! – Озеров, не оглядываясь, издал звук, которым подзывают собак.

Двое сержантов бросились вперед, схватили Филиппа и заломили ему руки. Озеров медленно развернулся и с оттягом, с размаха врезал Филиппу в солнечное сплетение. Филипп на секунду потерял сознание, обвис на руках озеровских адъютантов. Те бросили его на пол. Филипп быстро пришел в себя, но не мог дышать, хватал ртом воздух, боль была такой чудовищной силы, что, казалось, внутри не осталось ни одного целого органа, только кровавая мешанина.

– Не смей! – закричала Арина.

– А я что? – куражился Озеров. – Я мирный, я добрый, пусть твой козел себя хорошо ведет.

Сержанты обнаружили ватрушки, хватали по одной, надкусывали, бросали на пол и топтали.

– Да ты брюхатая! – Озеров уставился на аккуратный животик Арины, обтянутый трикотажной футболкой. – Но я не брезгливый. Потешимся? Дашь мне, а потом моим пацанам?

Пацаны мерзко заржали. Филипп с трудом встал на четвереньки и пополз к жене.

– Филипп, не надо! – взмолилась Арина.

Озеров насмешливо наблюдал за ее ползущим и падающим мужем. И когда Филипп приблизился, потянулся, чтобы захватить ногу Озерова, тот сильно ударил кованым ботинком Филиппа в лицо. Филипп упал навзничь, изо рта у него потекла кровь.

- Какой непослушный! - прокомментировал один из полицейских.

- Плохой мальчик! - покачал головой другой.

- Плохим мальчикам бывает бо-бо, - добавил третий.

Они подражали главарю. Им нравилась эта игра: быть сильными, наглыми и одновременно изображать святую детскую невинность. На подносе уже не осталось ни одной ватрушки - все были размазаны по полу.

Арина, оцепенев от ужаса, а Озеров с улыбкой и удовольствием наблюдали за тем, как сержанты выворачивают карманы бессильного Филиппа. Вытащили деньги из бумажника, скривились - мало. Бумажник швырнули Филиппу в лицо. Сотовый телефон повертели в руках - дешевая модель. Бросили аппарат на пол и раздавили каблуком.

- Я вас убью! - прошамкал разбитым ртом Филипп.

И заработал три удара по ребрам. Каждый из полицейских «шестерок» отметил, саданув его в грудь. И на каждый удар Филипп отвечал невольным коротким стоном.

- Юрка! Прекрати! - Арина уже поняла, что насиловать ее не будут. Но избивание мужа было непереносимо. - Юрка, ты меня знаешь! - выкрикнула она.

Вряд ли Арина сумела бы объяснить, какое «знаешь» она имела в виду. Да и Озеров не мог испугаться ее угрозы. Этой-то пигалицы! С другой стороны, все школьные годы он, ястреб, нападал на нее, цыпленка. Но ведь не потоптал, не сожрал, не покалечил. По большому счету Арина его победила. И сейчас в ее глазах светилась отчаянная, на грани безумия, решимость.

- Пацаны! - дернул головой в сторону двери Озеров. - На выход!

Его послушались беспрекословно. В цехе остались Озеров, Арина и лежащий на полу избитый Филипп.

– Ах, какая женщина! – покачал головой Озеров, глядя на Арину.

Филипп услышал и беспомощно застонал.

– Молчите! – приказала Арина. – Молчите оба! Юрка, что тебе нужно? Зачем ты пришел?

– Мне надо тебя.

Филипп сделал попытку сдвинуться с места, изо рта у него вырывались булькающие звуки, пенилась кровь. Арина заставила себя не смотреть на мужа, не отводить взгляда от Озерова.

– Врешь! – сказала ему. – Тебе прекрасно известно, что я скорее умру, чем буду с тобой.

С жирного лица Озерова сползла маска дурашливого простачка и обнажилась истинная личина – зверя, дикого хряка, не знающего иного удовольствия, как сожрать кого-либо, чтобы набить брюхо или просто ради удовольствия убивать.

– Не хотите по-хорошему, – ухмыльнулся Озеров, – будет по справедливости. Я вас «крышую», вы мне отстегиваете. На первых порах десять тысяч в месяц, а там посмотрим. Или ваш долбаный бизнес прогорит, в прямом смысле слова. Ясно выражаюсь?

– Ясно, – ответила Арина. – Все? Теперь уходи.

– Наше вам с кисточкой! – попрощался Озеров.

Арина с трудом распрямила пальцы – все это время держала кулаки крепко сжатыми. На ладонях остались глубокие мелкие полумесяцы. «Надо ногти в порядок привести», – подумала Арина. Она всегда стригла ногти коротко, чтобы не мешали с тестом работать. Задеревеневшее тело не хотело слушаться, и первые шаги дались с трудом. И все-таки Арина напугалась меньше, чем можно

было ожидать. Не будь она беременной, потеряла бы сознание от ужаса или, напротив, с криками и воплями бросилась бы царапать физиономию обидчикам мужа. Маленький ребеночек внутри будто посылал сигналы: «Вы там, снаружи, большие и сильные, и взрослые. А я беспомощный. Меня надо защищать. Если ты будешь волноваться или закатаешь истерику, я могу умереть или родиться раньше времени, опять-таки умереть. Поэтому думай обо мне, а не об этих больших дяденьках».

Нечто подобное, если не хуже, случилось с Леной, приятельницей Арины. Лена была на седьмом месяце. К ним пришли и засиделись гости, Лена ушла спать, не дожидаясь конца гулянки. Ночью встала в туалет и обнаружила мужа на диване с одной из девиц. Поза была недвусмысленной, у девицы уже юбка была задрана, а у мужа штаны спущены. Лена застыла на секунду, а потом обхватила живот и стала приговаривать; «Мне нельзя волноваться! Я не буду волноваться! Сволочи! Гады! Мне нельзя нервничать, я не буду нервничать!» Пошла в туалет, вернулась в спальню, не переставая твердить: «Не буду волноваться! Пошли все к черту! Не стану нервничать!» Муж пытался извиняться, Лена послала его прочь с глаз и все гипнотизировала себя, самовнушала. Довольно успешно, потому что скоро заснула. Семейная жизнь с гулякой-мужем у Лены не ладилась, но сына она родила здоровенького и крепкого.

На негнущихся ногах Арина подошла к раковине, включила воду, намочила полотенце и только потом присела к мужу, принялась вытирать лицо от крови.

- Все нормально, Филипп, уже все хорошо.

- Что хорошо? - прошамкал Филипп. - Как ты... вы?

- Мы отлично. Лучше, чем у Лены, ведь ты мне не изменял.

- Чего? - дернулся Филипп и тут же застонал от боли.

- Так, к слову, не обращай внимания. Тебе очень больно? Сейчас «скорую» вызову.

- Не надо «скорой». Гадство! Все пропало.

- Ничего не пропало, пока ты, я и наша доченька живы.

До приезда врачей Арина рассказала мужу об Озерове – проклятии ее школьных лет.

- Я его убью, – проскрипел зубами Филипп.

- Стоит ли руки марать о мразь? Убьешь, в тюрьму сядешь, меня и дочку бросишь?

- Все равно убью, – упрямо твердил Филипп.

У него было сломано одно ребро и два треснуто. Выбиты два зуба, половина лица представляла собой сиреневый флюс. В больнице Филиппа накачали обезболивающими, и первая ночь прошла относительно спокойно. Но утром оказалось, что он не может без стога встать, сесть, повернуться, даже дышать было адски больно. В больнице им дали справку – освидетельствование побоев, но Филипп решительно не хотел подавать заявление в полицию. Он не верил, что Озерова с дружками накажут. «Они там все полицаи, – говорил Филипп, – натуральные полицаи, как бабушка рассказывала, как в войну». Филипп был ослеплен жаждой мести, и даже перспектива потерять бизнес уходила на второй план по сравнению с желанием поквитаться с Озеровым.

Арина всегда знала, что ее муж смелый и храбрый, точнее – подозревала в нем эти качества. Но Арина не могла предположить, насколько вредными и безрассудными в наше время могут быть средневековые понятия о чести. Филиппа оскорбили, его чести нанесен удар – значит, все бросай, обо всех забудь и защищай свое доброе имя.

Родителям сказали, что Филипп поскользнулся и упал с лестницы.

- Этажа три летел, – покачал головой папа Арины, не поверил.

Они шепотом спорили в своей комнате. Арина доказывала, что надо подавать заявление в полицию, Филипп слышать об этом не хотел. Мол, вот он поправится, сам разберется с Озеровым. Арина исчерпала все аргументы, когда

Филипп вдруг неожиданно застыл, точно вспомнил о чем-то важном, перестал зло хмуриться.

- Камеры! – воскликнул Филипп.

- Какие еще камеры? – не поняла Арина.

- Я включил камеры на тестирование, хотел тебе сюрприз... Они должны записать!

Филипп попытался вскочить, но прострел зверской боли повалил его на кровать.

- Если на пленке все записано, идем в полицию? – быстро спросила Арина.

- Ладно, – простонал Филипп, – помоги мне встать.

Заявление в полицию они отнесли. Следователь не сказал, что дело неперспективное, но на его лице было написано, что граждане Поляковы напрасно хлопочут. Точно Арина и Филипп обратились не в орган, охраняющий закон, а в камеру забытых вещей, где им не гарантируют, что потерянную ценную вещь найдут и вернут.

Расположение камер видеонаблюдения оказалось исключительно удачным, и на черно-белой немой записи было отлично видно, как топчут ватрушки, как Озеров и его «шестерки» бьют Филиппа и даже, крупно, похотливое рыло Озерова, когда он пытается лапать беременную Арину.

Она не могла допустить, чтобы Филипп из-за уroda Озерова сел в тюрьму. Но Филипп от мести не откажется – ясно как божий день, и тут никакое следствие не поможет. У Арины созрел план.

Филипп выслушал жену и не мог не согласиться, потому что в итоге выходило, что и его желание исполнялось, и ответственности можно было избежать.

- Прикольно! – оценил Филипп хитроумность жены. – Кто сказал, что беременные женщины тормозят мозгами?

– Тот, кто не видел женщину на сносях, у которой муж под уголовную статью торопится.

Одной из причин, из-за которой открытие пекарни задерживали, была необходимость сдать сессию. В Москву Арина уехала одна, Филипп проводил ее на вокзале. Через три дня он вместе с Антоном и Сергеем отправился карать Озерова. Без помощи друзей было не обойтись, Филипп только-только начал передвигаться без зубного скрежета. Филипп настоял, чтобы Антон и Серега надели черные маски, но свое лицо, на котором громадный фингал из малинового превращался в зелено-желтый, не прятал.

Озерова подстерегли в подъезде его дома. Как ни велика была жажда мести у Филиппа, с ходу ударить человека ему было сложно. Помог сам Озеров.

– О! – удивился он. – Ты чего приперся? Деньги принес? Молодец, послушный мальчик.

– Гад! – прорычал Филипп и замахнулся.

Тут выскочили прятавшиеся у почтовых ящиков Антон и Сергей, схватили сзади полиция. На счастье Озерова Филипп был еще слаб и бить в полную силу не мог. Каждый взмах и удар отдавались кинжальным спазмом в груди. Но эта боль была даже приятной, она напоминала, подстегивала и оправдывала. Филипп остановился, когда вдруг резко запахло фекалиями.

– Обделался! – потянул носом Сергей.

– Доблестный полицейский надристал в штаны, – брезгливо скривился Антон.

– Фу, вонючка! – они бросили хнычущего Озерова на пол.

Филипп думал, что бандиты вроде Озерова, привыкшие к дракам, нечувствительны к боли, бесстрашны. Ничего подобного: те пять минут, что Филипп в четверть силы колотил Озерова, тот ойкал, хныкал, лебезил. И смелости у него оказались полные штаны. Напоследок Антон и Сергей заехали Озерову ногами по лицу. Некрасиво, конечно, лежащего обгадившегося человека бить. Но ребят, когда смотрели запись, более всего возмутило, как

беспомощного Филиппа били ногами, и их собственные ноги отчаянно чесались в желании отплатить тем же.

Вернувшись домой после расправы, Филипп переоделся и поехал на вокзал, только-только успел к московскому поезду.

Дело о нападении на сотрудника полиции, конечно, завели. Дело казалось плевым – преступник известен. Одновременно стараниями Левы по социальным сетям в Интернете пошла гулять запись избиения Филиппа в цехе пекарни. Отклик вызвала неожиданно широкий, даже по центральному телевидению показали. Поскольку имелась ссылка на сайт Левы, где рассказывалось о строительстве пекарни, то сайт посетило громадное количество пользователей. Филипп потом говорил: «Моя побитая морда способствовала твоей славе».

Филиппа задержали прямо на вокзале, только они с женой вышли из московского поезда. Журналисты, телевизионная шумиха изрядно досадили полицейским, у которых имелась бомба – дело против Филиппа. Но бомба оказалась пустой болванкой. На допросе Филипп выдвинул железное алиби – последние пять дней он находился в столице нашей родины городе Москве, сдавал сессию. Вот билет (Арина уезжала в Москву с двумя билетами, второй, на имя мужа, лежал в сумке). А вот зачетная книжка. В день избиения Озерова Филипп сдал три зачета и два экзамена. Преподаватели могут подтвердить, допрашивайте их на здоровье. Столичные преподаватели, конечно, никогда не признались бы, что за деньги ставили зачеты и «принимали экзамены» у мертвых душ. Зачем преподавателям совать голову в петлю уголовной статьи?

Дело, заведенное на Филиппа, лопнуло как мыльный пузырь, а озеровское, напротив, шло полным ходом. Появились свидетели его прежних преступлений. В свое время они, запуганные и забитые, свои заявления забрали, но теперь требовали возобновления следствия.

Ни у кого из тех, кто был посвящен в план Арины и его блестящую реализацию, не возникло сомнения в этичности случившегося – допустимости обмана, сокрытия преступления. Пока правоохранители сами не выкажут безупречного следования закону и не продемонстрируют настоящей охраны граждан, самосуд останется геройством и подвигом.

Открытие пекарни прошло на ура и надолго не затянулось – к двум часам дня весь ассортимент был сметен с прилавка. И в последующем пекарня часто закрывалась раньше времени, иногда к вечеру оставались пирожки и ватрушки. Тот, кто хотел свежего хлеба, должен был прийти с утра. Это правило Филипп и Арина подсмотрели в Италии, где нет больших промышленных хлебокомбинатов, а продукция маленьких пекарен должна уйти обязательно сегодня. Вчерашний хлеб итальянцам не нужен, да и стыдно его продавать пекарям. Чем мы хуже итальянцев? Поэтому, рассуждали Арина и Филипп, лучше меньше да свежее, чтобы не влететь в лишние траты и не потерять марку. Без хлеба люди не останутся – его, заводской, всегда можно купить в магазине. В отличие от Италии, где, бывает, после полудня ни чабатты, ни фокаччи с огнем не найти.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.com/natalya-nesterova/ispekli-my-karavay>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)